

МАРИНА ХАМИЦЕВИЧ

ПЕЧАТИ СОРВАНЫ

ВОЙНА
УЖЕ ЗДЕСЬ

18+

Марина Хамицевич

Война уже здесь

Серия «ПЕЧАТИ СОРВАНЫ», книга 1

<https://litres.ru/74324379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сектанты думали, что вызывают древнюю силу.

Они ошиблись.

В Мегиддо пришла Беллум — Война, которой не нужен меч, чтобы ломать судьбы. Ей достаточно одного взгляда, одной мысли, одного толчка — и люди сами вспоминают, кого ненавидят, боятся и чего на самом деле хотят.

Современный мир кажется ей нелепым, шумным и слишком хрупким. Здесь молятся деньгам, исповедуются перед камерами и называют свободой умение выбирать между двумя видами лжи.

Беллум наблюдает, играет, провоцирует.

Пока не понимает, что даже маленькая искра может сжечь не тех.

А люди, которых она считала слабыми, вдруг начинают сопротивляться.

Один не подчинится собственной тьме.

Вторая осмеливается сказать ей «нет».

Третий показывает цену последствий.

А четвертый не позволит ей победить.

Война уже здесь.

Но впервые она не уверена, будет ли победа за ней.

P. S. Произведение является художественным вымыслом автора и не связано с текстом Библии. Книга носит позитивный характер и не ставит целью оскорбить чувства верующих.

Содержание

Пролог. Врата открыты	5
Глава 1. Лошадка	16
Глава 2. Мирное население	29
Глава 3. Ночь	44
Глава 4. Дерзость	62
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Марина Хамицевич

Война уже здесь

Пролог. Врата открыты

Ветер ходил между древними камнями, трогал сухую траву и приносил с холмов запах пыли, нагретой за день земли и дыма, который исходил из местной красильни. Внизу мерцали огни, редкие машины ползли по трассе, а над всем этим нависало небо – черное, глубокое, обманчиво спокойное для места, где люди опять решили сунуть руки в устройство мироздания.

В подземном зале было душно.

Тринадцать человек стояли вокруг круга, выложенного не мелом и не солью, как любили показывать в дешёвых фильмах, а тонкими пластинами тёмного камня. На каждой пластине мерцали руны. Древние, местами обломанные, но на удивление тяжёлые для обычного камня.

Их давно считали уничтоженными полубогами пятого уровня, у которых хватило ума понять почему это лучше не трогать.

Люди постоянно лезут туда, куда не надо. И ищут то, что не следует.

У них были одинаковые серые балахоны, купленные, судя

по неровным швам, либо на распродаже, либо у портного с очень плохим зрением, или кривыми руками.

У главного сектанта под капюшоном блестели очки в тонкой оправе. Он то и дело поправлял их мокрыми пальцами и косился в распечатку с транскрипцией заклинания. Древний ритуал, переживший империи, войны и сожженные храмы, теперь зависел от мужчины в центре, который дважды не мог выговорить слово с шестью согласными подряд.

– Повторяем за мной, – сказал он торжественно, хотя голос слегка дрогнул. – Без самодеятельности. В прошлый раз из-за того, что вы несерьезно отнеслись к нашей миссии нас чуть не поймали.

Присутствующие согласно закивали. Кто-то быстро перекрестился, вспомнил, что так вроде нельзя, и сделал вид, будто просто почесал плечо.

Печати лежали внутри круга: четыре аккуратно сложенных из осколков каменных диска, тёмных, как засохшая кровь на старом железе. На них не было пыли. Это уже должно было насторожить любого человека с инстинктом самосохранения. Но у сектантов инстинкт самосохранения обычно уходил в отпуск сразу после вступительного взноса.

Борис поднял руки.

Зал наполнился глухим гулом. Воздух стал плотнее, будто кто-то невидимый опустил ладонь на стены, потолок и лёгкие каждого присутствующего.

Пламя в чашах вытянулось вверх и посинело. Руны на

камнях вспыхнули тусклым золотом. Одна из женщин тихо всхлипнула.

– Не сбиваемся, – прошипел главный. – Это нормальная реакция мира на вмешательство.

Мир, если бы умел говорить, наверняка попросил бы не втягивать его в этот цирк.

Они начали читать.

Слова скользили по залу, цеплялись за камень, за влажные стены, за чужие страхи. Ритм сперва был неровным, потом выравнился. Тринадцать голосов слились в один. Печати отвечали им вспышками, и от каждой такой вспышки воздух наполнялся запахами: то грозы, то пепла, то чего-то металлического, будто рядом ковали свежее железо.

На четвёртой минуте у первого мужчины пошла кровь из носа. Он попытался зажать её ладонью и продолжить чтение, но слова превратились в хлюпающее бормотание. На пятой минуте побледнела девушка у северной стены. Она сделала шаг назад, схватилась за горло и упала на колени.

– Не выходить из круга! – рявкнул главный.

Потом его самого качнуло.

Руны вспыхнули сильнее. Один из дисков треснул.

Сектанты замолчали не сразу. Последние слова ритуала провалились в тишину, как монеты в бездонный колодец.

Четырём из тринадцати стало плохо почти одновременно. Один начал задыхаться от крови, хлещущей из носа. Второй рухнул лицом вниз и забился в судорогах. Женщина с ко-

роткими седыми волосами вывернула на пол поздний ужин. Девушка у стены смотрела в пустоту и как ненормальная повторяла чужим голосом:

– Не тот порядок. Не те имена. Не те руки.

В зале поднялась паника.

Торжественность слетела со всех сразу, как дешёвая краска под дождём. Кто-то бросился к выходу. Кто-то в панике искал телефон. Кто-то пытался одновременно молиться, ругаться и открыть бутылку воды, что выглядело уже не как ритуал, а как неудавшийся сектантский корпоратив.

– Скорую! Быстро скорую! – крикнул мужчина у двери.

– Что говорить? – взвизгнула женщина. – Что мы вызывали древних богов?

– Скажи, что отравление! – рявкнул главный. – Массовое! Грибами!

– Какими грибами в подземелье?!

– Да не спорь ты тупица! Выходим, выводим тех кому плохо, а ты говори что были в походе.

Через двадцать минут поляну возле развалин старой церкви заполонили люди в форме и с носилками. Они спрашивали только про самочувствие и делали вид, что верят в наскооро придуманную байку про поход. У скорой помощи, видимо, был свой неписанный закон: если человек жив, его надо спасать, а если это все дурно пахнет, то уже пусть полиция или психиатрия выбирают, кому это счастье достанется.

Пострадавших вынесли наверх. Остальные сектанты рас-

ходились сразу после дачи показаний.

Никто больше не пытался изображал из себя избранного. Капюшоны сбились, шнурки развязались, один мужчина забыл пакет с бутербродами и вернулся за ним, но передумал на середине пути.

Голод оказался слабее страха, что в истории человечества случалось нечасто.

Главарь задержался. Он стоял у входа и смотрел на темный провал, откуда они совсем недавно выбежал в панике. Лицо у него было серым. Он хотел сказать что-то важное, возможно, даже разумное. Но вместо этого снял очки, вытер их краем балахона и пробормотал:

– Ну... технически ритуал не завершён.

Никто ему не ответил. Борис сглотнул и ушёл.

Когда наверху сихло, зал остался пустым. Пламя в чашах погасло одно за другим. Дым тонкими лентами потянулся к потолку. И тогда Печати загорелись. Без любопытный людей, которым всегда казалось, что они могут командовать тем, что было старше и могущественнее их самих.

Первой вспыхнула центральная.

Каменный диск раскалился изнутри. Руны на нем налились красным, потом засияли золотые и в конце ослепили пространство белым цветом.

Воздух дрогнул.

Внутри круга появилась тонкая трещина, не на полу – в самом пространстве.

Из света вышла женщина. Она появилась так, будто не была призвана, а просто вспомнила, что у неё здесь назначена встреча. Ее кожа светилась теплом живого мрамора, не холодного и музейного, а такого, который только что хранил в себе солнце.

Огненные волосы падали на плечи густыми волнами и двигались чуть медленнее, чем должны были, словно еще помнили ветер других миров. Обнаженность не делала её беззащитной. Наоборот, всё вокруг выглядело лишним: камни, стены, забытые чаши, человеческая одежда, сама идея приличия, придуманная существами, которые стыдились тела, но не стыдились собственных пороков.

Она была прекрасна той опасной красотой, от которой у людей сначала сбивается дыхание, а потом появляется желание бежать.

На её лице застыло скучающее выражение. Не усталость. Не раздражение. Именно скука. Глубокая, древняя, выточенная веками скука существа, которое уже видело слишком много всего, чтобы удивляться.

Беллум открыла глаза.

Лениво осмотрела пространство. Камни. Пепел. Следы рвоты у стены. Брошенная черная штукovina с треснутым экраном. Балахон на полу. Пакет с дурно пахнущей едой, за которой всё-таки никто не вернулся. Она медленно осмотрелась.

– Серьёзно? – произнесла она в пустоту.

Голос у нее был низкий, бархатный, с хрипотцой.

Ответа не было.

Беллум сделала шаг за пределы круга. Плиты под её ногами потемнели, но не треснули.

Она наклонилась к оставленной распечатке. Там были кривые строки, транскрипция древних слов и пометки ручкой: «здесь тянуть», «не перепутать ударение», «после третьего круга нараспев».

Беллум подняла бровь.

– Полубоги пятого уровня уничтожили руны, – прокомментировала она увиденное. – Как же. Уничтожили. Спрятали от идиотов – возможно. Но, вижу, неудачно.

Она бросила лист на пол. В дальнем углу лежали вещи: сумка, две бутылки воды, чужая куртка и длинный чёрный плащ. Плащ был явно театральный, с плотной подкладкой и нелепо высоким воротником.

Его принес один из сектантов для образа.

Люди любили образ. Особенно когда здравого смысла недостает.

Беллум взяла плащ двумя пальцами и встряхнула.

Из кармана выпал чек, мятная конфета и визитка магазина «Мир эзотерики и подарков». На визитке сияла надпись: «Купи три свечи — четвёртая очистит карму».

Беллум долго ее рассматривала, щупая бумагу и царапая ногтем буквы. Потом усмехнулась.

– Цивилизация всё-таки развивается не зря.

Она накинула плащ на плечи. Ткань закрыла её тело, но не скрыла сути. Это было всё равно что накрыть вулкан скатертью и надеяться, что гости не заметят лаву.

Беллум пошла к лестнице. С каждым её шагом подземный зал будто утрачивал тепло. Ритуал, паника, человеческие ошибки – всё оставалось позади, оседало пылью на камнях.

Она не обернулась. Ей было неинтересно смотреть на дверь, через которую уже вышла.

Наверху она оказалась под холодным ветром.

Беллум остановилась у входа и вдохнула. Мир пах бензином, разогретым асфальтом, потом, страхом, жареным мясом, мертвой водой в трубах, дешёвым табаком и человеческими желаниями.

Желания были повсюду. Мелкие, липкие, яркие, жалкие, великие. Купить. Отнять. Доказать. Переспать. Отомстить. Выжить. Стать правым.

Она улыбнулась.

Город светился внизу огнями, как россыпь тлеющих углей. Город не спал. Люди в нем, шумели, сигналили, ругались, торговались, молились, врали и делали вид, что утром обязательно все изменится.

Беллум спустилась по склону. Плащ бился о её ноги. Камни были острыми, земля сухой, но она не замечала неудобства. Её взгляд уже скользил к дорогам, машинам, людям, к тем крошечным вспышкам гнева, которые то и дело загора-

лись в человеческих сердцах.

Беллум остановилась и прислушалась.

– Вот это уже похоже на приветствие, – сказала она.

И пошла на звук.

За её спиной, в пустом подземном зале, остальные Печати вспыхнули одна за другой. Свет поднялся из камня тонкими столбами. Руны загудели, зашевелились, будто просыпались после долгого сна. На каждом диске проступали разные знаки, разные имена, разные силы, о которых люди когда-то знали достаточно, чтобы бояться, и слишком мало, чтобы не пытаться использовать.

Но Беллум этого уже не видела.

Печати раскалились добела.

Потом рассыпались прахом.

Порыв ветра ворвался в зал через открытую дверь, подхватил серую пыль и закружил её в воздухе. Пыль и сияние сложились в подобие круга. А затем все развеялось.

Ночь для всех остальных осталась прежней. Только где-то глубоко под землей исчез последний замок, о котором люди забыли.

А по дороге, к огням ночного города, шла Война. На её лице застыла предвкушающая веселье улыбка.

Глава 1. Лошадка

Город встретил меня запахом бензина, горячего железа и человеческой спешки. Я шла по ночной улице в чужом плаще, который драматично развевался за спиной и раздражал меня почти так же сильно, как этот мир.

Ткань цеплялась за ноги, воротник царапал подбородок, а где-то в шве торчала нитка, и колола мне бок. Люди, способные создавать оружие, города и заговоры, почему-то до сих пор не научились шить одежду так, чтобы она не вела себя как мелкий предатель.

Город шумел. Он не просто жил. Он скрежетал, мигал, пищал, фыркал моторами и требовал внимания со всех сторон.

Огни вывесок били в глаза. Машины рычали на перекрёстках. Телефоны в руках прохожих светились маленькими алтарями, перед которыми люди склоняли головы с таким благоговением, будто там им отвечали боги.

Я заглянула через плечо одного мужчины.

На его экране какая-то женщина с неестественно белыми зубами рассказывала, как стать счастливым за семь шагов.

Мужчина выглядел так, будто действительно слушал все что она говорит.

«Милый мир. Счастье продают порциями, тревогу выдают бесплатно».

Мимо меня просвистела машина.

Она пронеслась слишком близко, обдала воздухом, жаром и наглым запахом топлива.

Я остановилась посреди дороги и проводила её взглядом. Железная коробка на колёсах неслась так уверенно, будто внутри неё сидел не человек, а маленький бог. Сзади завизжали тормоза.

– Эй! Ты жить устала?! – высунулся из окна мужчина.

Я медленно повернула голову.

Он хотел продолжить.

Я видела это по его открывшемуся рту, по руке, все еще сжимающей руль, по этой прекрасной человеческой уверенности, что громкость голоса заменяет силу.

Потом он встретился со мной взглядом.

Рот закрылся.

Стекло поднялось.

Машина тихо откатилась назад, хотя дорога перед ней была свободна.

– Разумное решение, – сказала я и пошла дальше.

В этом городе было ярко даже ночью. Отовсюду светились картинки и надписи на стенах. С больших экранов на зданиях улыбались лица, слишком гладкие, слишком яркие, слишком пустые для живых. Они предлагали еду, одежду, страховку, кредиты, новую кожу, новую жизнь и, кажется, даже новую душу.

Над одним магазином сияла надпись:

«Плати меньше – живи лучше».

Я остановилась и хмыкнула. Люди построили цивилизацию, где даже надежда висела на вывеске.

На углу парень фотографировал себя на фоне светящейся стены. Он выставил губы, поднял руку, замер, потом недовольно посмотрел на снимок.

– Не то, – пробормотал он.

Я наклонилась к нему чуть ближе.

– Попробуй представить себя мужчиной.

Он вздрогнул так, будто я воткнула ему в бок ледяной нож.

– Что?

– Ничего. Продолжай поклоняться своему прямоугольнику.

Я пошла дальше, а он ещё долго смотрел мне вслед, прижимая телефон к груди, как раненого голубя.

Трёхмерная реальность оказалась шумной, плотной и до неприличия навязчивой. Всё здесь хотело быть замеченным. Светофоры моргали. Двери шипели. Автоматы булькали. Холодильники в уличных лавках гудели с упорством пленных демонов. Даже урна у перехода была раскрашена так ярко, будто мусор в этом мире имел право на собственный праздник.

Я чувствовала город кожей. Под асфальтом дрожали трубы. В стенах текло электричество. В бетонных коробках спорили люди. На балконах сохло бельё, в окнах мерцали экраны, на кухнях остывали ужины, которые кто-то не доел из-

за ссоры.

Этот город был набит страхами, желаниями и отчаянием от несбывшихся мечт.

Достаточно пары точечных ударов, и он бы зазвенел.

Что любопытно, в этом месте уже пахло катастрофой. Не будущей. Не возможной. Готовой. Как пороховая бочка, на которую кто-то поставил ароматическую свечу для создания иллюзии праздника.

Я прошла мимо магазина с открытой витриной.

Манекены внутри стояли под белым светом, вытянутые, безликие и уверенные в себе. На них были вещи, которые мне понравились сразу. Чёрная кожа. Тёмный шёлк. Узкие линии. Никакого жалкого балахона от кучки неудачников, никакой искусственной ткани.

На двери висела табличка: «Закрето».

Я посмотрела на неё.

– Какая смелая бумажка.

Дверь была заперта.

Я положила ладонь на стекло. Замок внутри щёлкнул мгновенно.

Вещи, созданные людьми, всегда хорошо понимали власть. Даже если люди сами делали вид, что верят в правила.

Я вошла.

Над дверью звякнул колокольчик.

В пустом магазине запахло дорогой тканью, кожей, плесе-

нюю от кондиционера и чем-то сладким, чем здесь, видимо, пытались замаскировать запах грязи.

Свет включился сам. Где-то под потолком зажужжала камера. Я подняла на неё глаза. Камера мигнула красной точкой. Пропала. Потом снова мигнула красной. Потом сдалась и повернулась в стену.

– Умница, – сказала я.

На мониторах у кассы мелькали помехи. Один экран показывал пустой зал. Второй – только мой плащ, будто внутри него никого не было.

Третий экран внезапно выдал изображение древнего поля боя, где горели колесницы и кто-то кричал на языке, который в этом мире давно считался мертвым.

Я подошла ближе.

Экран погас.

– Скучно, когда даже техника нервничает от моего присутствия.

Я сняла плащ и бросила его на кресло.

Зеркала вдоль стены поймали моё отражение. Огненные волосы, крупными локонами спускающиеся до поясницы. Отдающая абрикосовым нектаром кожа, на которой тени ложились мягко, делая силуэт более притягательным. Глаза спокойные, внимательные и уставшие от предсказуемости жизни.

Я улыбнулась отражению.

– Ну здравствуй, трёхмерная версия бедствия.

Выбрать одежду оказалось приятнее, чем я ожидала. Шелк скользил по пальцам, как вода. Кожа пахла силой и дорогими красками. Я брала вещи не потому, что нуждалась в прикрытии. Скорее потому, что этому миру нравились оболочки, а оболочка выполняет функцию разделения на касты.

Я выбрала черные кожаные брюки, невероятно мягкие, идеально подошедшие для меня. К ним нашлась шёлковая рубашка цвета темного вина. Она мягко легла на плечи, а ткань приятно холодила кожу. Поверх я взяла короткую кожаную куртку. У неё были чёткие линии и острый запах новой кожи. Обувь я выбирала недолго. Высокие ботинки на устойчивом каблуке стояли на полке с одной только целью: чтобы я их взяла. Я надела их, сделала несколько шагов и осталась довольна.

У кассы стояла коробка с солнечными очками. Я взяла одни, примерила и посмотрела в зеркало. В отражении появилась женщина, с которой большинство разумных существ предпочло бы не спорить даже в присутствии адвоката.

– Почти прилично, – сказала я.

Кассовый аппарат вдруг пискнул. На экране высветилась сумма. Я посмотрела на цифры.

– Ты хочешь плату?

Аппарат снова пискнул. Я наклонилась ближе.

– За честь быть выбранным мной?

Экран мигнул и погас. Из него тонко потянуло дымком.

– Вот и договорились.

Я вышла из магазина уже другой. Не потому что одежда меня изменила. Нет. Скорее город наконец получил предудеждающий знак в подходящей упаковке.

Плащ я оставила на кресле. Пусть лежит. Возможно, утром его найдут и выйдут на тех недоумков, которые посмели меня сюда затащить.

На улице стало прохладнее. Ночной воздух касался шеи, в нём было меньше пыли и больше электричества. Где-то недалеко смеялась компания молодых людей. Их смех был нервный, слишком громкий. Такой обычно бывает перед дракой или глупым решением, которое потом люди называют «ну мы же не знали».

Я свернула за угол. И увидела её.

Машина стояла у тротуара под фонарём, красная, блестящая, с бордовыми полосками вдоль капота. Длинный хищный кузов, низкая посадка, колеса, похожие на сжатые кулаки. В ней было что-то от зверя, который притворяется вещью, пока ему не дадут команду сорваться.

Я остановилась.

В груди теплом растеклось удовольствие. Редкое, горячее, почти забытое. Не то, что испытывают при победе. Ближе к предвкушению хорошей охоты.

– Он мой.

Я сказала это на выдох, но меня все равно слышали.

У машины стоял мужчина. Молодой, ухоженный, в дорожной рубашке, с ключами в руке. Явно один из тех, кто мнит

себя вершителем судеб.

Он смотрел на меня сначала с раздражением. Потом с интересом. Потом с ужасом, который начал подниматься из глубины его тела, как холодная вода в трюме.

Я подошла.

Он не отступил сразу. Надо отдать ему должное, храбрость в нем прожила дольше чем я рассчитывала.

Или за века люди стали смелее?

Потом мои глаза, вероятно, решили вмешаться. Я этого не видела, но почувствовала знакомое тепло под веками. Янтарное свечение просыпалось, когда мая суть возбуждалась и хотела чего-то слишком сильно. Обычно после этого начинали рушиться стены, отступать армии или падала чужая самооценка.

Мужчина побледнел.

– Это... моя машина, – сказал он, но голос его предал на втором слове.

Я протянула руку.

– Уже нет.

Он посмотрел на ключи. Потом на меня. Потом снова на ключи, будто пытался договориться с реальностью через маленький кусок пластика.

– Забирайте, – выдохнул он.

Ключи легли мне в ладонь. Его пальцы дрожали так сильно, что связка звякнула, как зубы у труса перед пытками.

Он шагнул назад, споткнулся о бордюр, чудом удержался

и побежал. Даже не побежал – эвакуировался. С той скоростью, с какой люди покидают здания, где кто-то сказал слово «утечка».

Я проводила его взглядом и улыбнулась. Злорадство оказалось вкусным. Коротким, тёплым, с лёгкой горчинкой. Как хороший нектар, если бы нектар мог умело унижать владельцев дорогих машин.

– Приятный мальчик, – сказала я. – Щедрый.

Перед тем как подойти, я уже успела заметить, как люди открывали такие машины. Они нажимали на маленькую кнопку, и железный зверь признавал хозяина. Забавная система.

В прежние времена, чтобы получить коня, нужно было доказать силу, вырастить его, приручить или хотя бы украсть с риском получить копьё в спину.

Теперь достаточно пластиковой штучки и уверенности в себе.

Я нажала кнопку.

Машина пискнула. Фары мигнули, будто бы она открыла глаза.

– Хорошая повозка.

Я села внутрь. Салон пах кожей, пластиком, чужим одеколоном и деньгами, которые не спасли этого бедолагу.

Всё было мягкое, гладкое, подсвеченное. Передо мной засияли приборы. Руль лёг в руки удивительно удобно, словно ждал. Где-то сбоку мерцал экран с картой, музыкой и кучей

значков, из которых половина явно была создана, чтобы отвлекать человека от дороги и приближать его к смерти.

Я осмотрелась.

Кнопки. Рычаги. Педали. Ремень. Люди любили усложнять простые вещи. Но я всегда понимала что такое быть наездницей.

Любая машина, если с нее содрать красивое название, была продолжением желания: ехать быстрее, ударить сильнее, достать дальше, убить чище.

Я нажала кнопку запуска. Двигатель проснулся. Глухо, низко, с рычанием, от которого у меня внутри лениво пробудилось удовольствие.

Машина дрогнула подо мной, готовая сорваться с места, и я погладила руль большим пальцем.

– Теперь ты будешь моей лошадкой, малышка.

Машина ответила ровным урчанием. Я заметила над собой странную штучку.

Небольшая панель у потолка. Я потянула её вниз. Она открылась, и внутри оказалось зеркало с тусклой подсветкой. Мягкий свет лёг на моё лицо, на волосы, на янтарный блеск, еще не успевший полностью погаснуть в глазах. Я смотрела на себя несколько секунд. Не на красоту. Внешность была лишь инструментом. Я смотрела на то, как этот мир решил меня отразить. В коже, шелке, металле и электрическом свете я выглядела не древней легендой, а женщиной, которая

может купить мир, а потом сжечь его.

– Так вот как меня видят в этом мире.

Я закрыла козырёк.

На экране передо мной мигнула карта. Сотни улиц сплетались в светящуюся сеть. Город лежал передо мной как раскрытая ладонь, вся в линиях, узлах, горячих точках и слабых местах. Он притворялся сложным, но я видела главное: дороги – это вены, площади – суставы, а люди внутри – беспокойная кровь.

Я включила передачу. Машина рванула вперед. Первый поворот вышел резким. Шины засвистели. Где-то сзади кто-то возмущенно посигналил, но быстро заткнулся, когда я прибавила скорость.

Красный мустанг проскользнул между двумя машинами с точностью клинка. Фонари вытянулись в золотые линии. Витрины размазались по бокам. Воздух ударил в стёкла.

Я рассмеялась. Коротко. Искренне. Люди всё-таки создали кое-что достойное. Железного зверя, который слушался руки, рычал на всю округу и превратил дорогу в удовольствие. Не армия, не колесница богов, не боевой конь с пеной на губах, но для этого странного мира – очень даже неплохо.

Впереди загорелся красный свет. Я не сразу поняла, почему все остановились. Потом поняла. И остановилась тоже, больше из любопытства, чем из уважения к цветной лампочке.

Рядом притормозила другая машина. За рулем сидела

женщина с усталым лицом и стаканом кофе. Она покосилась на меня, на машину, на мои волосы и медленно отвернулась, будто решила не усложнять себе жизнь.

Разумная.

На пешеходном переходе двое подростков снимали видео. Один показал на мой мустанг, второй поднял телефон. Экран его телефона вспыхнул, зашипел и выключился. Парень посмотрел на него с таким горем, будто потерял не устройство, а дорогого родственника.

Я опустила стекло.

– Не переживай. Память о твоей глупости всё равно останется с тобой.

Он открыл рот.

Светофор сменился. Я нажала на газ, и его ответ потонул в реве двигателя.

Чем дальше я ехала, тем яснее понимала этот мир. Он не был слабым. Нет. Слабые миры не придумывают столько способов уничтожить себя и того, кто рядом оказался. Он был нервным, жадным, ярким и усталым. Здесь всё требовало оплаты: еда, вода, внимание, время, безопасность, светящиеся повсюду вывески, даже возможность поставить железную лошадь у тротуара и не получить штраф. И при этом люди называли это цивилизацией.

Я проехала мимо круглосуточной заправки. Там двое мужчин спорили у колонки так ожесточенно, будто в этот момент решалась их судьба. Один держал в руке сэндвич,

второй размахивал чеком. Между ними стоял сотрудник в форме и смотрел в вскользь с отрешенным видом.

Я притормозила. Оттуда пахло топливом, жареным тестом и мелкой агрессией.

Прекрасная смесь.

Это место нравился мне всё больше. Не как место покоя. Покой вообще переоценен, особенно теми, кто никогда не видел, во что души превращают его от скуки.

Этот город был готов вспыхнуть. Ему не хватало только искры, правильного шёпота, случайного оскорбления в нужном месте.

Или меня.

Я выехала на широкую дорогу. За городом чернели холмы. Над ними висела луна, бледная и равнодушная. Навигатор что-то предложил ровным женским голосом, но я не слушала. Машина неслась вперёд, дорога ложилась под колеса, и ночь раскрывалась передо мной.

Я на удивление хорошо освоилась в этом мире. Слишком хорошо. Будто не пришла сюда впервые, а вернулась туда, где меня давно ждали.

Я улыбнулась, крепче взялась за руль и прибавила скорость.

Куда я ехала?

Город за спиной еще не знал ответа. И именно поэтому ночь становилась интереснее.

Глава 2. Мирное население

Какое же наглое утро в людских городах! Или этот какой-то особенный?

Солнце влезло в салон моего мустанга, золотом разлеглось на приборной панели и ослепило меня своим светом.

Ночью город был похож на хищника из стекла и электричества, а утром притворился приличным местом, где люди покупают кофе, идут на работу и делают вид, что не хотят кого-нибудь придушить из-за ерунды.

Я сидела за рулём у обочины и смотрела, как мир включается.

Открывались кафе.

Дворники лениво гоняли мусор.

Люди шли мимо с бумажными стаканчиками, телефонами, ключами, сумками и лицами, на которых было написано: «Я бы свернул горы, но не сегодня».

Причин откладывать свою и так невероятно короткую жизнь у них, судя по всему, было много.

Я провела пальцами по рулю.

Машина тихо щелкнула в ответ, будто тоже устала от ночной охоты.

Хорошая лошадка. Немного избалованная, громкая и требовала топлива, но в целом послушная.

В прежние времена коня нужно было кормить овсом, чи-

стит и иногда уговаривать не кусать хозяина. Здесь всё сводилось к бензину и пластиковым карточкам. Прогресс, как я поняла, просто заменил один набор капризов другим. В бардачке я нашла деньги. Не много, но достаточно, чтобы освоиться. Несколько купюр, пластиковые карты, документы прежнего владельца и маленькая фотография улыбающейся женщины с ребёнком.

Мужчина, подаривший мне машину, видимо, был чьим-то отцом, чьим-то мужем и чьей-то проблемой.

Я посмотрела на фото.

– Не переживайте, – сказала я ему. – Ваш папа жив. Просто стал пешеходом.

Фотография, естественно, не ответила. Люди любили оставлять части жизни в вещах. Квитанции, фантики, снимки, запах духов, чужие волосы на сиденьях.

Забавно.

Они называли это памятью, хотя чаще это выглядело как следы поспешного отступления.

Мне нужен был дом.

Не храм, не крепость, не зал с колоннами и костями врагов под фундаментом. Просто место, где можно было закрыть дверь и изучить этот мир без лишних свидетелей. Люди называли такие места «жилъём» и почему-то платили за них столько, будто стены лично охраняли тех от смерти.

Я нашла здание с вывеской «Апартаменты посуточно».

Слово было отвратительное. Длинное, липкое и некраси-

вое. Но внутри пахло чистящими средствами, сыростью от кондиционера и веяло чужими попытками казаться богаче, чем они есть на самом деле.

За стойкой сидела женщина лет сорока, которая разглядывала свои аккуратные ногти.

– Доброе утро, – сказала она, подняв на меня оценивающий взгляд. – Вам номер?

– Жильё, – ответила я.

Она моргнула.

– На сколько суток?

Я задумалась.

Сутки.

Удобная мера.

Люди разрезали вечность на куски и исчисляют свою жизнь такими крохотными отрезками.

– Пока не надоест.

Женщина посмотрела на мои волосы, на кожаную куртку, потом на ключи от машины в руке.

– У нас оплата вперёд.

Я положила на стойку найденные купюры и одну пластиковую карту.

– Вот.

Она осторожно взяла карту.

– Это не ваше.

– Все это вообще не мое. Это человеческая доброта.

Женщина замерла.

Камера в углу тихо щелкнула и отвернулась к стене. Экран компьютера моргнул, показал чёрный квадрат, потом выдал строку:

«Номер оплачен».

Без имени. Без паспорта. Без вопросов.

А эта техника разумнее некоторых людей.

Администратор сглотнула.

– У нас есть свободный апартамент с небольшой кухней.

Вид на город. Двенадцатый этаж.

– Подойдёт.

Она протянула ключ-карту двумя пальцами, будто это был не пластик, а маленький ядовитый зверёк.

– Лифт справа.

– Ты хорошо справилась, – я с милой улыбкой похвалила женщину.

Женщина почему-то побледнела. Может комплимент не понравился?

Лифт оказался тесной металлической коробкой. Он вёз меня вверх под мягкую музыку, похожую на предсмертную записку смертника. В зеркальных стенах отражалась я, лампы, кнопки и бессмысленная надпись «улыбнитесь, вас снимает камера».

Камера снова не справилась со своим предназначением и жалко замигала красным. Я улыбнулась ей.

– Старайся.

Мое жилище мне понравилось не сразу. Слишком чисто.

Слишком светло. Слишком много гладких поверхностей, на которых удобно было оставлять грязные следы от еды, крови или вымещать на эту идеальную картинку свое разочарование.

Окна выходили на город, кухня блестела сталью, а дверь запиралась на три замка. Люди, конечно, до сих пор верят в то, что замки их защитят примерно так же сильно, как дети верят в одеяла против чудовищ.

Я оставила ключ на столе.

Жизнь внизу текла, как огромный механизм, собранный из нервов. Машины мчались по дорогам. Люди входили в магазины с пустыми руками, а выходили с пакетами. На соседней крыше мужчина кормил голубей сухими крошками.

Мне стало любопытно.

Если этот мир держался на правилах, деньгах и привычках, стоило изучить его ближе.

Война выигрывает не только битвы. Иногда она сначала узнаёт, сколько стоит хлеб и кто продает ножи.

Я спустилась обратно и отправилась в город. Днём Мегиддо оказался еще навязчивее, чем ночью. Он не прятал своих пороков. Витрины зазывали внутрь. Реклама обещала выгоду, красоту, молодость и новую сковороду со скидкой. Люди толкались у переходов, спорили в очередях и прижимали к ушам светящиеся, прямоугольники так, будто получали приказы с небес.

Я зашла в магазин одежды. После ночной примерки, судя

по законам людей с их разговорами и эмоциями, мне требовались вещи.

Не потому что я хотела слиться с толпой. Толпа была слишком унылой, чтобы там теряться. Просто иногда полезно иметь несколько оболочек: одна – для игривого настроения, другая – когда нужно будет пострадать о том, что меня спустили с небес на землю.

Продавщица подлетела ко мне с улыбкой, явно фальшивой.

– Вам помочь?

– Да. Мне нужна одежда на все случаи жизни. По сезону, конечно же.

Она оживилась.

– У нас есть новая коллекция. Очень стильная, для смелых женщин, подчёркивает характер.

– Если одеждой нужно подчёркивать характер, значит, с самооценкой что-то не так.

Продавщица зависла на секунду, но быстро собралась.

Профессионал.

Такие люди самые живучие.

Она принесла мне несколько вещей. Чёрный шёлковый топ, тёмные брюки, кожаный ремень, мягкий жакет, который выглядел достаточно приличным для людей и удобным для драки. Нижнее бельё даже притащила, несколько тонких рубашек и платье цвета мокрого асфальта.

Я всё быстро примерила. Зеркала в этом магазине вели

себя лучше, чем вчерашние, хотя одно всё равно показало за моей спиной горящий город, но быстро исправилась и вернуло синюю шторку.

Я отобрала половину предложенных вещей и заодно переделалась в короткое платье. Белье нагло проигнорировала. И так приходится щипать себя в людские тряпки, а с этими прозрачными штучками тело кажется скованным.

– Вам очень идёт, – сказала продавщица.

– Знаю.

Она улыбнулась, обнажая белые зубы.

Настал момент оплаты. Я подошла к кассе и положила вещи на стойку.

Продавщица назвала сумму. Я уже разобралась в цене за эту жизнь, а предложенная мне сумма была такой, будто ткань соткана из волос святых девиц и выкрашена священным шафраном.

Я протянула ей пластиковую карту. Она вставила её в терминал. Терминал запищал. На экране появилась надпись:

«Введите пин-код».

Я посмотрела на устройство.

– Оно требует пароль.

– Да, четыре цифры.

– А если я не знаю?

Продавщица осторожно подняла глаза.

– Тогда можно разделить сумму. Тогда оплата пройдёт без пин-кода.

Мне приложить карту.

На последней попытке терминал задумался.

Он думал слишком долго для предмета, размером с ладонь. Потом экран вспыхнул зелёным, выдал «Оплачено» и коротко задымился.

Продавщица сглотнула.

– Чек нужен?

– Он полезен в этом мире?

– Нет.

– Тогда нет.

С пакетами в руках я вышла на улицу и впервые заметила рынок. Не сияющий зал с полками, где продукты лежали строями, как призывники перед очередной бессмысленной войной.

Рынок был живой. Громкий, пахнувший землёй, зеленью, потом, специями и утренней руганью.

Здесь люди не улыбались для покупателя.

Здесь торговались, спорили, хвалили товар и ввали с такой отдачей, что я почти прониклась уважением.

У входа старик продавал яблоки. Красные, жёлтые, зелёные. Они лежали в ящиках круглыми беззащитными рядами и блестели на солнце так невинно, будто не знали насколько мир жесток.

Я взяла одно яблоко и поднесла к лицу. Пахло кожурой, соком и садом. Чисто. Просто.

– Сладкие, красавица, – сказал старик. – Только сегодня

собрал.

– Они сопротивлялись?

Он поперхнулся.

– Что?

– Ничего. Заверните.

Старик решил, что лучше не уточнять, и начал складывать яблоки в пакет. Рядом женщина продавала помидоры. Круглые, алые, плотные. Чистые.

Я взяла несколько. Потом зелень. Петрушку, укроп, базилик. Пучки выглядели как маленькие зелёные отряды, которым ещё не сообщили о капитуляции. Я посмотрела на пакет.

– Мирное население.

Продавщица нахмурилась.

– Что вы сказали?

– В пакете. Мирное население. Яблоки, помидоры, зелень. Безоружные. Доверчивые. И очень плохо подготовлены к тому что их ждёт.

Женщина медленно протянула мне сдачу.

– У вас странное чувство юмора.

– У меня прекрасное чувство юмора. Оно формировалось эпохами.

Она решила больше ничего не говорить.

Я купила хлеб. Настоящий, с хрустящей коркой, ещё тёплый внутри. Он пах так, что даже я остановилась, наслаждаясь чистейшим вкусом. В этом запахе не было войны, вла-

сти, страха или жажды победы. Только зерно, огонь, руки и терпение.

Удивительная вещь. Люди могли испортить почти всё, но хлеб почему-то у них получался.

В мясной лавке продавец с толстой шеей разрубал куски туши большим топором.

Я остановилась. Он работал точно, уверенно, без суеты. Металл стучал по доске, мясо расходилось под ударом, кости трещали. Вот это уже было ближе к искусству.

– Вам что-то подобрать? – спросил он, отпустив покупателя.

– Ножи.

Он моргнул.

– У нас продается мясо.

– А ножи где?

– Хозяйственный ряд через два прохода.

– Жаль. У вас отменный нож.

В хозяйственном ряду я нашла то, что искала. Ножи лежали на витрине, блестящие, тяжёлые, с удобными рукоятками. Маленькие я проигнорировала сразу. Они выглядели совсем несерьезно.

Мне понравился большой поварской нож с широким лезвием и ещё один, массивнее, почти тесак. Он был грубее и приятно оттягивал руку при замахе.

Продавец, молодой парень с сонными глазами, заметил мой интерес.

– Этот для мяса, костей, крупной нарезки. Этот вариант для вас может показаться тяжелым, у нас есть более изящные ножи.

– Нет.

– Может, вам лучше взять набор? Там есть универсальный, овощной, маленький для...

– Я выгляжу как женщина, которой нужен маленький овощной нож?

Он посмотрел на меня. Потом на нож. Потом снова на меня.

– Нет. Не выглядите.

– Умный мальчик.

Я купила оба. Терминал снова попытался заявить что он здесь главный. Зря. Оплата со скрипом, но прошла. Техника вокруг меня наконец начала понимать, что сопротивление – это выбор с плохой статистикой выживания.

Вернувшись в свои апартаменты, я разложила покупки на кухне.

Яблоки перекатывались по столу. Помидоры легли рядом, красные и пузатые. Зелень бодро торчала из пакета.

Я пошла мыть руки. Вода из крана ударила по ладоням холодной струей. Простое действие, сейчас людям намного легче выживать. Но мне понравилось ощущение. Вода смывала пыль города, запах рынка, следы чужих взглядов. Люди превращали такие мелочи в привычку и переставали замечать.

Глупцы.

Именно в мелочах часто прятался смысл.

Я положила на доску помидор. Взяла большой нож. Рукоять легла в руку как влитая, и я невольно улыбнулась.

Вес имел значение.

Слишком лёгкое оружие не вызывает уважения и быстро портится. Слишком тонкое – требует осторожности. А массивный нож внушал уважение.

Помидор раскрылся одним легким движением. Сок выступил на доске, красноватый и блестящий.

Я представила себя в людском театре. Для существа, которое видело настоящие поля после битвы, это было весело. Но эстетика у овощей оказалась неплохая.

– Один пал, – сказала я.

Потом второй. Потом яблоко. Оно хрустнуло ярко, сочно, возмутительно. Как еще смеет сопротивляться.

Я разрезала его на дольки и поймала себя на том, что делаю это медленнее, чем нужно. Не из жестокости. Скорее из интереса. Маленький плод, выросший из земли, солнца и воды, теперь лежал под моей рукой и отдавал запах вместе со своей жизнью. Как удобно местным считать, что яблоку не больно когда его режут. Они просто не слышат, как, например вот эта морковь, сейчас будет истошно кричать под натиском моего ножа.

Я могла не есть их. Моё тело в этом мире было плотным, красивым и вполне функциональным, но голод для меня не

был смертельным. Я могла питаться энергией людей. Их злостью, страхом, жадой победы, ревностью, обидами. Один хороший семейный скандал мог заменить мне завтрак. Маленькая драка у бара – обед. Политические дебаты – банкет, хотя после них обычно хотелось подчистить сознание.

Но яблоко пахло лучше. Я откусила дольку. Сок брызнул на язык. Кисло-сладкий, свежий, обволакивающий рот подобно нектару.

Я нарезала зелень. Большим ножом, разумеется. Маленький овощной нож где-то в мире, возможно, грустил из-за моей жестокости, но это была не моя война.

Зелень хрустела под лезвием, пахла свежестью и чистотой. Я смешала её с помидорами, добавила масло, нашла в шкафу тарелку и вилку. Потом занялась хлебом. Корка треснула под ножом и на доску осыпались крошки. Внутри хлеб был мягкий, теплый, пружинистый. Я намазала на кусок масло, которое купила случайно, и оно начало таять, пропитывая мякиш.

Я села у окна. Город шумел внизу. Сигналы машин, голоса, далёкая сирена, чей-то смех, лай собаки, гул кондиционеров. Мир продолжал вращаться, торговаться, обманывать, любить и опаздывать. Всё как обычно. Только теперь на двенадцатом этаже сидела я и ела их хлеб.

Салат оказался хорош. Помидоры были сладкие, а масло делало вкус ярче.

– Мирное население оказалось достойным противником.

Телефон прежнего владельца мустанга лежал на столе. Я забрала его из машины утром. Он несколько раз пытался заблокироваться, потом понял, с кем имеет дело, и открылся сам. На экране были сообщения, фотографии, карты, новости, приложения и целая куча человеческой суеты, упакованной в блестящий прямоугольник.

Он снова завибрировал. На экране появилось имя: «Лея». Женщина с фотографии. Я посмотрела на звонок и не стала отвечать. Не из милосердия. Просто объяснять ей, что её муж отдал мне машину в момент внезапного духовного просветления лень. А я только начала завтракать.

Звонок прекратился. Через секунду пришло сообщение.

«Где ты? Ты не отвечаешь. Что происходит?»

Я отложила телефон экраном вниз.

Люди вечно хотели знать, что происходит. В этом была их слабость. Если бы они знали ответы заранее, половина войн не началась бы, а вторая половина закончилась гораздо раньше.

Я взяла ещё кусок хлеба. Масло растаяло на пальцах.

Это было до смешного простым. Настолько простым, что я разозлилась. Человеческие удовольствия оказались примитивными. Ткань на коже. Быстрая машина. Тёплая вода. Острый нож. Свежий хлеб. Сладкое яблоко. Вид на город, который еще не знает, что в нём поселилась Война.

Я должна была презирать всё это. Вместо этого я поймала себя на том, что выбираю, какой несчастный овощ раз-

резать следующим, и думаю, что вечером можно найти хорошее мясо. Это насторожило меня сильнее, чем те ненормальные, которые меня призвали. Потому что страх, гнев и жажда власти были мне знакомы. А вот удовольствие без победы – нет.

Я посмотрела в окно на город и слабо улыбнулась. Если такие мелочи способны цеплять меня уже сейчас, то что этот мир со мной сделает, когда я попробую всё остальное?

Глава 3. Ночь

К вечеру обстановка в городе стала меняться. И слава Творцу что люди начали срывать маски, иначе я бы получила пищевое отравление от количества лицемеров. Ни грамма нормальной энергии не удалось вытянуть, сплошная фальшь.

Дурной день отступил. На улицах снова зажглись вывески, окна домов стали похожи на сотни маленьких светящихся квадратиков, а воздух загустел от духов, выхлопов, жареной еды и предвкушения.

Город переоделся в ночь, как женщина перед свиданием. Я стояла у окна своих апартаментов и смотрела вниз. Машины текли по дорогам, люди собирались группами у баров, проверяли свой внешний вид, будто это хоть кого-то волнует. Они готовились к охоте, но называли это отдыхом.

Забавно.

Люди любили переименовывать устоявшиеся понятия, будто новое слово делало их цивилизованнее.

На столе лежал телефон прежнего владельца. Я уже научилась с ним обращаться. Он показывал карты, новости, чужие фотографии и места, где люди добровольно собирались в темноте под громкие звуки.

Одно заведение выделялось особенно: клуб в центре, с черным фасадом, золотой вывеской и отзывами, в которых

одни восхищались музыкой, другие жаловались на охрану, а третьи писали:

«Проснулся без ботинка, но было круто».

Место явно мне подходило.

Я выбрала платье цвета мокрого асфальта. Оно было простым, но их какой-то дорогой ткани. Мне то плевать, а вот люди зависимы от этого. Пока я здесь, я играю по правилам этого мира и мне нужно притвориться одной из них.

Ткань скользнула по коже прохладной волной и легла точно по моей фигуре. Поверх я накинула кожаную куртку. Волосы оставила распущенными. Огненные пряди падали на плечи, собирая свет и превращая его в огненные всполохи при каждом движении.

В зеркале на меня смотрела женщина, которую разумнее было бы обходить стороной. Я провела пальцем по губам и усмехнулась.

– Посмотрим, как люди развлекаются перед концом света.

Мустанг ждал у подъезда. Красная лошадка блестела под фонарём, притягивая взгляды случайных прохожих.

Я села за руль, завела двигатель, и низкое рычание прокатилось по улице. Мужчина, стоявший у соседнего дома вздрогнул и выронил сигарету.

Мелочь, а приятно.

Дорога до клуба заняла меньше времени, чем обещал навигатор. Я быстро поняла, что большинство правил движения существуют для тех, у кого нет хорошей реакции и в за-

пасе только одна жизнь. Светофоры, полосы, знаки – всё это напоминало попытку договориться с хаосом через цветные кружочки. Трогательно, но не всегда работает.

Клуб стоял в переулке между рестораном и дорогим отелем. У входа толпились люди. Женщины в блестящих платьях, мужчины в рубашках, э, парни с одинаковыми прическами и девицы, пахнущие сладкими духами, а шлейфом за ними растягиваются волны страха.

Над дверью пульсировала вывеска. Изнутри доносился бас – глухой, тяжелый, похожий на сердцебиение огромного зверя под землёй.

На входе стояли двое охранников. Один посмотрел на меня со скукой. Второй чуть дольше задержал взгляд на моих волосах, декольте и глазах. Потом его лицо стало внимательнее. Он был из тех, кто привык оценивать угрозу быстро. Просто его душа раньше разума поняла, что перед ним не совсем обычная посетительница.

– Вы по списку или сами? – спросил первый.

Я остановилась перед ним.

– Я похожа на женщину, которую нужно записывать?

Он открыл рот. Второй мягко положил ему ладонь на плечо.

– Проходите.

Умный какой.

Внутри клуб ударил по мне всем сразу. Я даже остановилась от неожиданности. Музыка врезалась в грудь. Свет

резал темноту синими, красными и фиолетовыми лезвиями. Воздух был горячим, густым, пропитанным потом, алкоголем, духами, желанием и весельем. Такие эмоции мне больше по душе.

Люди двигались в такт, при этом стараясь выделиться. Танцпол напоминал поле боя, где никто не умирал, но все пытались доказать, что живы.

Я остановилась у края и слушала. Бас проходил через тело, как далекий гром. Музыка своим ритмом заставляла людей подчиняться её приказам. Двигайся. Забудь. Возбудишь. Стань частью толпы.

Люди подчинялись с радостью, будто им наконец разрешили перестать думать.

Бар сиял бутылками. За стойкой мужчина с татуировками ловко смешивал напитки, швырял лед в стаканы и принимал деньги с видом жреца, раздающего маленькие порции забвения.

Я подошла, села на высокий стул и посмотрела на полки.

– Что будете? – спросил бармен.

– Воду.

Он слегка разочаровался.

– С газом?

– Без.

– Минералку?

– Только если она из натурального источника.

Он хмыкнул и поставил передо мной бутылку.

– Первый раз в клубе?

Я открутила крышку.

– В этом мире – да.

Он решил, что это шутка, и улыбнулся.

– Тогда вы неплохо начали. Обычно первый раз заканчивается текилой, слезами и сообщением бывшему.

– Я не пишу бывшим. Я оставляю от них легенды.

Бармен посмотрел на меня внимательнее.

– Звучит устрашающе.

– Зато их имена остались в летах.

Я сделала глоток. Вода была холодной, чистой и без памяти. Алкоголь мне не был нужен. Люди пили его, чтобы приглушить страх, усилить смелость, развязать язык и временно убедить себя, что они лучше, чем есть на самом деле. Мне нечего было приглушать. А смелость, если её нужно наливать в стакан, – это не смелость, а самообман.

Я повернулась к залу. Взгляды мужчин начали цепляться за меня почти сразу. Некоторые смотрели открыто, с уверенностью покупателей у витрины дорогих человеческих тряпок. Другие делали вид, что просто случайно повернули голову уже пятый раз за минуту. Были и осторожные, те, кто чувствовал опасность, но всё равно не мог отвести глаз. Самые забавные. Разум говорит им: «Не трогай». Инстинкт отвечает: «Но она же здесь одна». Женщины тоже смотрели. Кто с любопытством, кто с раздражением, а кто с расчетом.

Как я уже поняла, в этом мире красота была валютой, ору-

жием и преступлением одновременно. Люди обожали её, боялись и пытались приручить правильными словами.

«Стильная».

«Сексуальная».

«Вызывающая».

Смешно.

Как будто вулкан можно пристыдить за его температуру. Я отпила половину стакана и пошла к танцполу.

Толпа тут же сомкнулась вокруг меня. Но мое раздражение сделало свое дело. Тела сдвинулись, плечи ушли в сторону, взгляды скользнули по мне и отступили. Пространство всегда давало мне свободу действий.

Музыка сменилась. Бас стал глубже и медленнее. Ритм потянулся по полу, поднялся по ногам, лёг в живот и заставил воздух между телами дрожать. Я закрыла глаза на секунду и позволила звуку пройти сквозь меня. Танец оказался древнее этого клуба. Древнее фальшивого света и странных законов. Люди просто забыли, что делают. Они думали, что пришли развлечься, а сами снова кружили вокруг огня, показывали силу, желание, готовность приблизиться и рискнуть. Только вместо барабанов у них были колонки, а вместо шкур – синтетика и блёстки.

Я начала двигаться. Сначала медленно. Плечо, бедро, поворот головы, шаг. Платье скользило по телу. Волосы касались шеи. Музыка входила под кожу, и я отвечала ей как чувствовала. Вокруг становилось теснее. Чужое дыхание, тепло,

руки, смех, случайные касания.

Толпа жила одним пульсом и, сама того не зная, кормила меня. Желание было повсюду. Оно вспыхивало красными искрами. Голодными, смешными, красивыми, жалкими, наглыми. Кто-то хотел меня. Кто-то хотел быть мной. Кто-то хотел, чтобы на него смотрели так же.

Энергия поднималась от танцпола, как пар от горячей земли после дождя. Я могла бы напиться ею досыта, даже не прикасаясь ни к кому. Но мне стало интересно, что ощущают люди, находясь друг с другом.

Он появился справа. Высокий, красивый, уверенный в себе. Темные волосы, гладко выбритое лицо, спокойная улыбка мужчины, который привык, что двери перед ним открываются, женщины отвечают взаимностью, а мир в целом не возражает.

На нём была белая рубашка с расстегнутым воротом, и двигался он хорошо. Он поймал мой взгляд и улыбнулся. Я не улыбнулась в ответ. Это его только подстегнуло.

Он приблизился уже через пару минут, когда я переводила дух, допивая все еще чистую минеральную воду. Остановился достаточно близко, чтобы я почувствовала тепло его тела, и достаточно далеко, чтобы это можно было назвать уважением. Умный самец. Таких приятнее ломать, но сегодня я не собиралась подчинять. Пока.

– Ты танцуешь так, будто музыка написана для тебя, – сказал он, наклонившись к моему уху. Голос у него был низкий,

уверенный, с лёгкой хрипотцой. Он явно знал, как им пользоваться.

Я повернула голову.

– А ты говоришь так, будто эта фраза хоть раз да сработала.

Он рассмеялся. Не обиделся. Хороший признак.

– Работала. Но не так часто, как хотелось бы.

– Значит, ты переоцениваешь свои силы.

– Возможно. Но я могу исправиться.

– Люди редко исправляются. Обычно они просто меняют тактику.

Он посмотрел на меня с зарождающимся интересом. Вот теперь стало лучше. В его взгляде появилось не только желание, но и азарт. Он решил, что нашёл загадку. Мужчины любят загадки, особенно если уверены, что ответ окажется в их постели.

– Меня зовут Даниэль, – сказал он.

– Беллум.

Он повторил имя медленно, пробуя на вкус.

– Красиво. Что значит?

Я шагнула ближе, и между нами почти не осталось воздуха.

– То, что лучше не будить.

Его дыхание сбилось на долю секунды. Он почувствовал угрозу. Но вместо того чтобы уйти, только шире улыбнулся.

Глупый. Красивый. Примитивный.

Музыка снова изменилась. Ритм стал ниже, плотнее, будто клуб опустился под землю, ближе к сердцу города. Даниэль поднял руку, не касаясь меня, спрашивая без слов. Я позволила. Его пальцы легли на мою талию осторожно, но уверенно. Ладонь была тёплой. Живой. Я положила руку ему на плечо. Ткань рубашки натянулась под пальцами. Под ней работали мышцы, билось сердце, спешила по венам кровь. Его тело говорило то, что в этом мире так сразу говорить не принято.

«Хочу».

«Смогу».

«Выдержу».

Последнее было особенно самонадеянно.

Мы начали танцевать вместе. Он думал, что ведёт. Я позволила ему так думать. Это была маленькая милость с моей стороны. Его движения были точными, чувственными, красиво выстроенными. Он умел держать дистанцию и нарушать её в нужный момент. Его бедро скользнуло рядом с моим, ладонь на талии сжалась чуть крепче, дыхание коснулось виска. Я чувствовала, как в нём растёт уверенность. Он решил, что выбрал меня из толпы. Что заметил, подошёл, заинтересовал. Люди так любят свои сказки о свободной воле. На самом деле я просто оставила дверь приоткрытой, и он вошёл, гордый собой, как завоеватель пустой крепости. Но тело его мне нравилось. Теплое, сильное, здоровое. Он не хватал, не давил, не спешил. В нём было достаточно тща-

славия, чтобы прийти, и достаточно ума, чтобы не испортить всё сразу.

Я провела пальцами по его шее, и он шумно выдохнул. Звук утонул в музыке, но я слышала. Желание между нами сгущалось. Оно было почти осязаемым. Темное, горячее, с янтарными прожилками моего возбуждения и красными искрами его. Клуб вокруг размылся. Остались бас, его ладонь, моя кожа под платьем, воздух, который мы делили на двоих, и ритм, ставший ближе к дыханию, чем к музыке.

Он наклонился.

– Ты опасная, Беллум.

Я улыбнулась.

– Наконец-то что-то похожее на комплимент.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

Его пальцы поднялись выше по моей спине. В глазах читал я вопрос. Я позволила и это. Мое тело ответило быстрее мысли: тепло разлилось под кожей, мышцы стали мягче, дыхание глубже. Странное чувство. Не власть, не победа, не гнев. Просто желание. Простое, плотное, человеческое. Я не любила, когда мной управляет похоть. Но в тот момент не отстранилась. Даниэль коснулся губами моего виска. Лёгкое касание, можно было подумать что случайное, но в нём было столько расчёта и голода, что я тихо рассмеялась.

Он замер.

– Что смешного?

– Ты очень стараешься меня возбудить.

– А разве не получается?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

– Получается быть тем, кому разрешили приблизиться.

Он должен был разозлиться. Многие бы разозлились.

Мужское самолюбие – хрупкая штука, особенно если его полизать дорогими часами и белыми рубашками. Но Даниэль лишь прищурился, и в его взгляде вспыхнуло темное.

– Тогда разреши мне ещё немного.

Музыка зазвучала громче. Я сама сократила расстояние.

Его рука крепче легла на мою талию, моя ладонь скользнула по его плечу к затылку. Мы двигались медленно, слишком близко для приличия и слишком красиво для случайности. Вокруг кто-то свистел, кто-то смотрел, кто-то танцевал рядом, но всё это стало декорацией. Мир сузился до жара кожи и звука дыхания. Когда он поцеловал меня, это не было неожиданностью. Я знала, что он сделает это, сама позволила. Почувствовала напряжение в его пальцах, перемену в дыхании, короткое решение, принятое телом раньше разума. Его губы коснулись моих осторожно, потом увереннее. Поцелуй был горячим, живым, с привкусом дорогого алкоголя. Я ответила. И на это время звуки отдалились от нас.

Не на самом деле. Музыка продолжала рвать воздух, толпа двигалась, свет мигал. Но внутри меня возникла странная пауза, как перед ударом клинка.

Тело вспыхнуло удовольствием. Древнее, не требующее

слов. Я притянула его ближе, и Даниэль тихо выдохнул мне в губы. В этот раз он уже не думал, что ведёт. Он просто не хотел отступать.

Мы вышли из клуба не сразу. Сначала был ещё один танец, уже без игры в случайность. Его ладонь на моей спине, мои пальцы на его запястье, взгляды, которые заполонила страсть. Потом коридор с темными стенами, где музыка стала глухой, как кровь под кожей. Потом прохладный ночной воздух у черного выхода. Он прислонился плечом к стене и смотрел на меня так, будто пытался запомнить.

– Ко мне? – прошептал он, не утруждая себя излишней романтикой.

– Надеюсь, у тебя не живёт мама. Он рассмеялся.

– Нет. Только кот.

Я задумалась.

– Кот будет возражать?

– Он возражает против всего. Не принимай близко к сердцу.

– Если он нападёт, я буду защищаться.

Даниэль вызвал машину. Я могла бы поехать на своём мустанге, но мне было любопытно посмотреть, как он ведёт меня по своему миру.

Люди проявлялись в мелочах: как открывают дверь, как говорят с водителем, как смотрят в телефон, когда рядом с ними желанная женщина.

Даниэль держался неплохо. Не суетился. Не пытался вы-

ставить себя в лучшем свете. Только иногда его взгляд возвращался ко мне, и в нём появлялось это выражение – смесь торжества и опасения. Он всё ещё думал, что выиграл.

Квартира у него была на верхнем этаже дома с видом на огни центра. Внутри пахло деревом, дорогим кофе, чистым бельём и котом, который действительно был недоволен всем мирозданием. Серый, крупный, с янтарными глазами и важным видом старого тирана, пережившего несколько династий диванов. Он вышел в коридор, посмотрел на меня и не сел на свою откормленную попу.

Я присела перед ним.

– Ты смелый.

Кот моргнул.

– Это Марс, – сказал Даниэль. – Не советую гладить без перчаток.

– Мы уже поняли друг друга.

Марс подошел ближе, понюхал мои пальцы и сел рядом, будто принял решение временно не объявлять войну. Умное животное. В отличие от большинства людей, он не пытался доказать, что главный. Даниэль снял куртку. Белая рубашка на нём уже была измята после танца, ворот открыт, волосы чуть растрепались. Без клубного света он выглядел менее глянцевым и более настоящим. Это было неожиданно приятно. Красота без витрины всегда интереснее.

Он медленно подошёл ко мне.

– Ты всегда такая спокойная?

Я подняла взгляд.

– Сейчас я не спокойная.

Он остановился ближе.

– Тогда какая?

Я коснулась пальцами его груди там, где под тканью билось сердце. Оно стучало быстро.

– Любопытная.

Это слово подействовало на него сильнее поцелуя. Он накрыл мою ладонь своей. Между нами снова поднялось напряжение, но теперь без музыки, без толпы, без чужих глаз. В тишине квартиры всё стало острее. Его дыхание. Мой смех. Шорох ткани. Далёкие машины за окнами. Недовольный хвост кота, исчезающего в другой комнате, потому что даже он понял: люди опять собираются вести себя странно.

Даниэль поцеловал меня уже без осторожности. И я позволила этой ночи случиться. Не как битве. Скорее как погружению в человеческое тепло, слишком близкое, слишком настойчивое, слишком живое. Его руки были уверенными, мои – требовательными. Мы двигались по квартире, задевая стены, смеясь между поцелуями, теряя слова там, где дыхание становилось прерывистым.

Свет города ложился на пол полосами. Платье соскользнуло с плеч, рубашка упала рядом, и мир за окном стал далеким, неважным. Остались тёплая кожа, жар от тел, тяжелое дыхание, пальцы в волосах и то сладкое напряжение, которое люди почему-то называют слабостью, хотя иногда оно

управляет ими лучше любой армии.

Я растворилась в ощущениях сильнее, чем ожидала. Это злило и возбуждало одновременно. Тело отвечало на прикосновения с жадностью, будто давно знало этот язык. Даниэль шептал моё имя, и в его голосе уже не было самоуверенности. Только желание. Настоящее, вечное, голое до смысла. А потом свет стал мягче. Ночь сомкнулась вокруг нас. И всё лишнее исчезло.

Позже я лежала рядом с ним и смотрела в потолок. В комнате было тихо. Только за окном продолжал существовать город, а где-то в глубине квартиры Марс, кажется, сбросил что-то со стола в знак несогласие выбора хозяина.

Даниэль спал на боку, расслабленный, красивый, довольный. В полумраке он выглядел моложе. Самоуверенность ушла с лица, оставив обычного мужчину, которому повезло и который пока не знает, насколько. Моё тело было довольно. В этом не имело смысла лгать. Кожа ещё помнила его руки. Губы – поцелуи. В мышцах разлилась мягкая усталость. Внутри всё казалось правильным. Я получила удовольствие. Даже больше, чем ожидала. Но в душе было пусто. Не больно. Не горько. Просто пусто, как зал после ритуала, когда люди уже убежали, а настоящие последствия еще не начались.

Я повернула голову и посмотрела на Даниэля. Красивый мужчина. Умелый. Живой. Он хотел меня, и в этом желании было много огня. Но огонь оказался коротким. Вспыхнул, согрел кожу, осветил несколько минут, а потом оставил тем-

ноту почти такой же, как была. Я провела пальцем по его плечу. Он что-то пробормотал во сне и придвинулся ближе. Бессознательный жест доверия. Как трогательно. Знал бы ты, кто перед тобой.

Я могла бы питаться его довольством, его гордостью, его сном, полным смутных образов. Но мне не хотелось. Он и так отдал то, что мог. Просто этого оказалось мало.

Встала осторожно, чтобы не разбудить его. Марс сидел в дверях спальни и смотрел на меня как судья, который всё видел и не одобрил, но протокол вести поленился.

– Что? – тихо спросила я.

Кот моргнул.

– Да, я тоже ожидала большего.

Он зевнул.

Я нашла своё платье, оделась и подошла к окну. Ночной город сиял внизу. Клубы, бары, окна, машины, поздние прохожие, люди, которые искали прикосновений, забытья, восхищения, подтверждения собственной привлекательности. Они хотели, чтобы их выбрали. Хотели победить одиночество хотя бы до утра. Хотели чувствовать себя желанными, сильными, нужными. Инстинкт. Тщеславие. Страх пустой постели.

Я понимала всё это слишком хорошо. Это были простые двигатели, надежны, как старые боевые машины. На них можно было строить драки, романы, измены, свадьбы и половину мировой истории. Но я впервые задумалась: есть ли

у людей желание глубже? Не то, что вспыхивает от красивого тела и гаснет после насыщения. Не охота, не голод, не желание обладать. Что-то, ради чего они не просто тянутся друг к другу, а остаются. Не потому что удобно, страшно или некому больше позвонить. А потому что внутри открывается дверь, которую нельзя закрыть без потери части себя.

Мысль была неприятная. Слишком мягкая для меня. Слишком опасная. Я взяла с тумбочки минералку, оставленную Даниэлем зачем-то рядом с кроватью. Сделала глоток. Вода стала теплой и всё такой же пустой.

– Примитивные удовольствия, – прошептала я.

Но голос прозвучал неуверенно. За спиной Даниэль спал, довольный и пустой для меня. Внизу город продолжал предлагать тысячи тел, тысячи взглядов, тысячи коротких вспышек. Я могла взять любое. Позволить приблизиться, позволить думать, что меня выбрали, и снова получить этот жар.

Только теперь мне было интересно не это.

Я смотрела на огни Мегиддо и чувствовала, как любопытство настойчиво поднимается внутри. И оно опаснее обычного желания.

Бывает ли у людей огонь, который не гаснет после первой ночи?

Глава 4. Дерзость

Утро после Даниэля не принесло откровений.

Оно принесло кота.

Ты Марс. Знаю я одного с таким же именем.

Марс сидел на кухонном столе, где сидеть ему, по человеческим правилам, было нельзя, и смотрел на меня с видом существа, которое прекрасно знает правила, но сознательно их игнорирует. Зря люди считают животных глупыми. Если бы хозяин знал какой поток сознания у этого котика, то скрывал бы от него большую часть своей жизни.

Даниэль ещё спал.

Я стояла босиком на холодной плитке, пила воду прямо из бутылки и смотрела на кота.

Он был чёрный, с белым пятном на груди, будто кто-то когда-то небрежно коснулся его кистью. Глаза жёлтые, внимательные. В них не было ни любви, ни доверия. Только древнее кошачье убеждение, что человек в доме – временное неудобство.

– Даже не начинай, – сказала я.

Марс медленно моргнул.

Наглость в чистом виде. Мне понравилось.

Квартира Даниэля выглядела лучше, чем ощущалась. Серый камень, черный металл, матовое стекло, дорогая техника: ни одной случайной вещи. Всё на своем месте. Всё

правильно. Всё безжизненно. Здесь было удобно заниматься сексом, пить вино, производить впечатление. Жить – вряд ли.

Из спальни за столько времени не донеслось ни звука. Моя любопытная натура не могла это просто так оставить.

Даниэль даже спал красиво. Вчера он был хорош. Опытный, внимательный, щедрый на телесное удовольствие и абсолютно пустой там, где мне, к собственному недоумению, хотелось найти нечто большее, чем просто жар.

Вчера Даниэль подошел сам. Высокий, ухоженный, напористый. На правом запястье – дорогие часы. На левой руке – след от кольца, снятого незадолго до нашей встречи.

Марс спрыгнул со стола и мягко прошёлся по кухне, задев хвостом ножку стула. Я проводила его взглядом, потом открыла кофемашину, посмотрела на неё и закрыла обратно. Не хотелось ни кофе, ни еды, ни Даниэля.

Я покинула квартиру без прощаний. Даниэль был жив, доволен и, скорее всего, проснётся с приятной ложью в голове: будто вчера ночью он выбрал меня.

Пусть.

Людям нужны маленькие легенды, чтобы завтрак не казался таким одиноким. Мой мустанг ждал на парковке возле клуба, куда я вернулась пешком. Красная лошадка блестела под утренним солнцем и выглядела так, будто тоже провела ночь лучше большинства людей.

На лобовом стекле лежала бумажка. Штраф.

Я взяла её двумя пальцами, прочитала сумму и хмыкнула.

– Они требуют плату за то, что моя машина стояла на земле. Ветер вырвал штраф из моей руки и унёс под колеса мусоровоза.

– Вот и поговорили. День я провела в городе. Не потому что у меня был план. Я просто шла, ехала, останавливалась, смотрела. Этот город открывался слоями. Деловой центр пах кофе, стеклом и там очень мало еды. Все усталые и такая тоска накатывает после такой пищи, что лучше там вообще не показываться. Старые кварталы – пылью, выпечкой и кошачьей мочой. У метро люди текли плотной рекой, каждый со своей маленькой катастрофой в голове. Я купила ещё воды. Потом ножницы, потому что продавщица в хозяйственном магазине слишком настойчиво уверяла другую покупательницу что у них это лучшие портновские ножницы.

Мне стало любопытно, как вещь с двумя лезвиями может быть лучшей. Оказалось – никак. Люди просто безответственно используют слова.

К вечеру телефон прежнего владельца мустанга предложил мне активность. Не лично, конечно. Он не был настолько храбрым. Просто в ленте всплыло приглашение на городскую тусовку в небольшом клубе с живой музыкой и картинами местных художников на стенах.

Звучало скучно, но на фотографиях люди выглядели довольными.

Не знаю сколько мне здесь еще осталось, пока печати не

напитаются энергией и их снова не раскидает по разным частям этого мира.

Я поехала. Бар назывался «Соль». Внутри действительно пахло солью, потом, лимоном, дешёвым дымом от стеклянных сосудов с трубками и чужими амбициями. На стенах висели странные картины: перекошенные лица, чёрные квадраты, красные линии и одна работа, на которой, кажется, изображали голубя, пережившего рагнарек.

Музыка была тише, чем в клубе, где я была вчера. Здесь не бил в уши бас. Здесь люди хотели казаться умными. Они стояли с бокалами, обсуждали проекты, гранты, съёмки и выставки. Слова «токсично», «концепция» и «монетизация» летали в воздухе, как мелкая нечисть над болотом. Я попросила у бармена воду. Бармен посмотрел на меня так, будто я оскорбила его.

– Просто воду?

– Я так и сказала.

Он задумался.

– А вам налить в бокал?

Я придвинулась к стойке и взгляд парня забежал от моих глаз до приподнятой стойкой груди.

– Ты забыл, во что лить воду?

– Сейчас, секунда.

Получив свой стакан я отошла к стене и стала наблюдать.

Люди здесь были другого сорта. Не ночные охотники с танцпола, а городские зверьки с хорошим словарным зап-

сом. Они тоже хотели внимания, но добывали его не телом, а мнением. Каждый говорил так, будто у него в груди маленькая редакция, которая требует срочного выпуска.

Именно там я встретила Кирилла. Он стоял у стойки с телефоном в руке и слушал худого мужчину в пиджаке, который объяснял что-то про «новую подачу в виртуальной среде». Кирилл кивал, но глаза у него смеялись. Не добродушно. Так смотрят люди, которые готовы использовать тебя против тебя.

Он заметил меня.

Журналист.

Я узнала эту породу сразу. Они пахнут любопытством, кофе и готовностью влезть в чужую боль ради красивого абзаца. Кирилл оторвался от собеседника и подошёл ко мне. Среднего роста, темные волосы в легком беспорядке, взгляд острый, как канцелярский нож. Улыбка у него была приятная, но я сразу почуяла фальш.

– Простите, – сказал он, – вы часть готовящегося перформанса или город наконец решил выпустить финального босса?

Я посмотрела на него поверх стакана.

– А ты всегда начинаешь разговор с желания быть уничтоженным?

Он просиял.

– Отлично. Значит, не перформанс. Живой материал.

– Материал?

– Я журналист. У меня профессиональное деформирование.

– Сочувствую.

– Не надо. Родные уже смирились.

Мне понравилась его наглость. Он смотрел на меня как на ходячий скандал, который сам пришёл к нему в руки.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Беллум.

Кирилл моргнул.

– Серьёзно?

– Ты уже начал жалеть, что спросил?

– Наоборот. Я думаю, что это может быть отличный заголовок. «Беллум в городе: почему всем нам пора нервничать».

– Слабовато.

– Тогда «Женщина, после которой завистники пишут завещание».

Я чуть улыбнулась. Он заметил и сразу стал довольнее.

Ошибка. Люди слишком быстро принимают маленькую реакцию за победу.

К нам подошла девушка с короткими светлыми волосами. Она не улыбалась. Не потому что была грубой, а потому что не видела смысла тратить эмоции попусту. В ней не чувствовалось суеты, только точность. Взгляд скользнул по мне, задержался на глазах, на руках, на стакане воды, потом вернулся к лицу.

– Кирилл, – сказала она ровно, – если ты снова нашёл проблему, не надо тащить её к нам.

– Соня, это не проблема, – ответил он. – Это потенциальный спецпроект.

– У тебя все катастрофы сначала называются спецпроектами.

Я посмотрела на неё с интересом. Соня была из тех, кто чувствует опасность не кожей, а схемой. Аналитик. Мозг у неё работал холодно, быстро, без лишнего шума. Она не подавала вида, что испугалась меня, но внутри уже начала раскладывать варианты: кто я, откуда, зачем здесь, насколько рядом со мной безопасно стоять и где ближайший выход.

– Ты умная, – сказала я.

Она прищурилась.

– А ты говоришь это так, будто обычно умных приходится убивать первыми.

– Обычно они сами мешают себе выжить.

Кирилл тихо присвистнул.

– Всё, я официально влюблён в диалог.

– Не мешай, – сказала Соня. – Я пытаюсь понять, она опасная или просто стерва.

– Меня устроят и оба варианта, – ответила я.

Соня кивнула, будто поставила галочку.

– Конечно. Самые неприятные люди всегда многозадачные.

Следующей появилась Лера. Её было трудно не заметить.

Рыжеватые волосы собраны небрежно, зелёные глаза сканировала пространство, одежда с обилием линий и цветов. В руках она держала бокал, но почти не пила. Осмотрела меня с ног до головы. Недочетов она, похоже, не нашла. И это ей не понравилось.

– Это кто? – спросила Лера.

– Беллум, – сказал Кирилл. – Моя новая героиня.

– Ты её пять минут знаешь. – вклинилась Соня.

– Все великое приходит быстро.

– Как пищевое отравление, – сказала Соня.

Лера посмотрела на меня.

– Ты из модельного бизнеса?

– Нет.

– А выглядишь как женщина, которую придумали, чтобы остальные чувствовали себя неполноценными.

– Я предпочитаю чтобы из-за меня дрались.

У Леры дернулся уголок губ. Она не доверяла мне. Не притворялась милой. В её недоверии не было зависти. Только защита. Она встала чуть ближе к Соне и Кириллу, не перекрывая меня, но обозначая: «Я тебя вижу». Это мне понравилось больше, чем если бы она стала засыпать меня комплиментами.

– Ты всех новых людей так встречаешь? – спросила я.

– Только тех, кто выглядит как начало проблем.

– Хорошее зрение?

– Это не зрение. Это опыт.

Кирилл поднял руку.

– Предлагаю не ссориться до тех пор, пока я не включу диктофон.

– Попробуешь включить диктофон, – сказала Соня, – я засуну его тебе туда, откуда он точно отправится в мусорку.

Я сделала глоток воды и поймала себя на том, что мне весело от их ритма. Они перебрасывались словами легко, привычно, без желания обидеть. У каждого был свой угол, свое оружие, своя манера защищаться, но между ними не было фальши.

Удивительно.

Люди редко собирались вместе без зависти, тайной злобы или желания доказать, кто главный. Эти же просто были рядом.

Потом в нашу сторону буквально влетел Миша. Высокий, широкоплечий, с добрыми глазами и весь он такой хороший, что я чуть не поперхнулась волной позитива, фонтанирующей из него как из рога изобилия. В руках у него была тарелка с какими-то крошечными бутербродами.

– Я нашёл еду, – объявил он так, будто спас экспедицию от гибели.

– Миша, это канapé, – скривившись сказала Лера.

– Это еда, просто маленького размера. Не обесценивай мой труд.

Он сразу протянул тарелку Соне, потом Кириллу, потом мне.

– Будешь? Ты кто?

– Беллум, – шепнула ему Лера

Я посмотрела на крошечный хлеб с чем-то розовым сверху.

– Это образец или его действительно едят?

Миша расплылся в улыбке.

– Едят. Но, честно, это больше для красоты. Чтобы потом на фоне местной элиты смотрелось красиво. Нормальная еда будет позже. Я всех затащу в шавуху.

– В шавуху? – переспросила я.

Кирилл оживился.

– О, да. Миша считает, что любая светская тусовка должна заканчиваться мясом в лаваше и сожалением о потраченном времени.

– Душевным сожалением, – поправил Миша. – И вообще, шаверма объединяет людей лучше, чем корпоративные тренинги.

– Ты работаешь в магазине, – сказала Соня. – Откуда у тебя травма корпоративных тренингов?

– Я каждый день вижу, как люди выбирают чайник сорок минут. У меня вся жизнь – тренинг по принятию неизбежного.

Я снова улыбнулась. Миша заметил это и обрадовался так искренне, как могут радоваться таким простым вещам дети. И энергия у него чистая.

– Вот. Беллум меня понимает.

– Я понимаю, что мясо, завернутое в хлеб – это очень сытно.

– Слышали? – Миша указал на меня тарелкой. – Эксперт одобрил.

– Эксперт по чему? – спросила Лера. – По древним идеям и, возможно, красивому запугиванию?

Ещё один из этой компании стоял немного в стороне. Я заметила его не сразу, потому что он не пытался быть замеченным.

Мужчина лет тридцати с лишним, тёмные волосы, широкий разворот плеч, уверенный взгляд. Красивый, но при этом настоящий. В нём было что-то земное, упрямое. Как дверь, которую проще обойти, чем выбить. Он подошёл только тогда, когда Миша снова начал агитировать всех за шавуху.

– Вы уже нашли себе новую религию? – спросил он. Голос низкий, сухой, с насмешкой.

– Артём, не начинай, – сказала Лера. – Миша кормит людей. Это его форма любви.

– Миша кормит людей, потому что не умеет молчать, когда у кого-то свободные руки.

Миша прижал тарелку к груди.

– Я забочусь о вас.

– Ты распространяешь углеводы под видом заботы.

Артемом оглянулся на меня. Не оценил взглядом тело, не задержался на губах, не сделал короткой паузы, в которой муж-

чины обычно решали, как быстро можно перейти от разговора к прикосновениям. Он просто посмотрел. Прямо. Спокойно. Это было неожиданно раздражающе.

– А ты? – спросила я. – Тоже часть этого цирка?

– Иногда. По выходным. В будни у меня работа и налоги.

– Какая работа?

Кирилл кашлянул, заранее развлекаясь.

Артём ответил без смущения:

– У меня сеть магазинов для взрослых.

От меня ждали неловкости. Её не случилось. Ни у меня, ни у остальных. Миша только кивнул, будто речь шла о пекарне. Лера закатила глаза, Соня посмотрела в телефон, Кирилл ухмыльнулся.

– Люди покупают себе желание? – спросила я.

– Люди покупают себе меньше одиночества, – сказал Артём. – Иногда в коробках, иногда с инструкцией, иногда с батарейками.

Кирилл поднял палец.

– Вот это я записал бы.

– Не запишешь, – сказала Соня.

– Да что у тебя за война с моими диктофонами?

– Я за экологию информационного пространства.

Я не отводила взгляда от Артёма. Он не заискивал. Не боялся меня. Не пытался понравиться, хотя видел, что может. В нём не было этого сладкого мужского голода, который обычно поднимается при виде меня. Желание, возможно, было,

но он держал его в руках. Редкое качество.

– Ты говоришь о желаниях как торговец, – сказала я.

– Потому что так и есть.

У Сони брови поднялись.

Кирилл тихо сказал:

– О, это будет хороший вечер.

Я медленно улыбнулась.

– Ты смелый?

– Нет. Просто у меня нет привычки тешить чужое эго, если оно и так размером с торговый центр.

Лера приснула в бокал. Миша сделал вид, что кашляет. Мне стало тепло под кожей. Не от злости. Артём сказал это без грубости, без желания унижить. Просто вставил фразу туда, где большинство мужчин вставили бы комплимент.

– Осторожнее, – сказала я мягко. – Некоторых за подобную смелость стирали из истории мира.

– Надеюсь, не за счёт налогоплательщиков.

Я рассмеялась. И это удивило меня больше, чем его дерзость. Смех вышел настоящий. Короткий, но я получила от этого удовольствие.

Компания замерла на долю секунды, будто не ожидала от меня такого выпада.

Потом Миша расплылся в улыбке.

– Всё, она идёт с нами в шавуху.

– Я ещё не согласилась.

– Это формальность. Мы демократичная группа, но куда

пойти пожрать выбираю я.

Соня убрала телефон.

– На самом деле он правда выбирает еду. Один раз мы дали Кириллу выбрать место и оказались на дегустации ферментированной капусты в подвале.

– Это было культурное событие, – возмутился Кирилл.

– Это было преступление против кишечника, – сказала Лера.

Артём посмотрел на меня.

– Пойдёшь?

– Ты хочешь, чтобы я пошла?

– Я хочу понять, ты умеешь сидеть с людьми без ощущения, что они твоя свита.

Тишина нашем маленьком кругу стала вкусной. Вот теперь я почувствовала удар. Не сильный, но меткий. Он видел слишком много. Не мою суть. Человеческим глазам не дано увидеть Войну до конца и остаться в здравом уме. Но он угадал. Увидел меня. Забирать внимание. Позволять людям вращаться вокруг. Я сделала шаг ближе.

– А ты хочешь быть исключением?

– Я хочу спокойно поест шаверму.

– Очень приземленное желание.

– Зато выполнимое.

Соня тихо сказала:

– Мне всё ещё кажется, что это плохая идея.

– Лучшие вечера начинаются именно так, – сказал Ки-

рилл.

– Нет, – ответила она. – Так начинаются уголовные дела.

Миша уже вёл всех к выходу. Он двигался с уверенностью полководца, который нашёл единственный путь спасения своей роты. Лера шла рядом с Соней, иногда бросая на меня быстрые взгляды. Кирилл крутился сбоку, задавал вопросы, получал язвительные ответы и выглядел счастливым. Артём шёл чуть позади, рядом со мной, но не слишком близко. Мне нравилась эта дистанция.

На улице было прохладно. После бара воздух казался чистым, хотя на самом деле пах выхлопами, мокрым асфальтом и жареным маслом из соседнего киоска. Ночной город снова зажег свои огни.

Мегиддо.

Как же смешно мне было, когда я впервые услышала название этого города.

У витрин курили люди, такси мигали аварийками, где-то недалеко пьяный парень невнятно орал срамную песню.

Миша привел нас к маленькому заведению на углу. Над входом светилась вывеска с нарисованным мясом. Внутри было тесно, жарко и пахло специями, соусом, луком, поджаренным лавашом и человеческим счастьем в самой простой, примитивной форме.

– Вот, – сказал Миша с гордостью. – Храм.

– Скорее полевая кухня, – сказала я.

– Полевая кухня тоже храм, если ты голодный.

За стойкой мужчина с огромными руками нарезал мясо длинным ножом. Лезвие мелькало быстро и красиво. Мясо падало тонкими кусками, пар поднимался вверх, соус блестел под лампами. Я уважительно посмотрела на нож. Небольшой, конечно, но движения были хороши. Уверенные.

Миша заказал всем. Он спорил с продавцом о количестве соуса так, будто от этого решалась судьба мира. Кирилл требовал острое. Соня сказала, чтобы ей положили «без лука». Лера попросила меньше соуса, но Миша всё равно вмешался, потому что «так будет сухо, ты потом спасибо скажешь».

– А тебе? – спросил он меня.

– Воду.

Он замер.

– Просто воду?

– У вас массовая травма? Почему все так реагируют на то, что помогает нам жить?

– Ты не будешь есть?

– Я сыта.

Миша посмотрел на меня так, будто я отказалась от их дружбы и права на счастье.

– Но это лучшая шавуха в районе.

– Я не голодна.

– Никто не бывает не голоден для хорошей шавухи.

Артём забрал свой заказ и усмехнулся.

– Оставь её. Может, она питается вниманием.

Я повернула голову и услышала в его интонации издевку:

– Осторожнее. Оно у тебя тоже есть. Не подавись.

Кирилл едва не уронил салфетки.

– Господи, я сейчас умру счастливым.

– Не в шавушной, – сказала Соня.

– Это будет хорошая статья.

– О которой завтра забудут.

Мы сели за узкий стол у окна. Я осталась с бутылкой воды.

Остальные развернули свои свёртки, и на несколько секунд разговоры стихли. Люди ели. Не красиво, не благородно, не так, как на рекламных плакатах.

Они ели по-настоящему. Соус капал на пальцы, лаваш трещал, Миша протягивал салфетки всем сразу, Кирилл ругался, потому что острое оказалось действительно острым.

– Ты сам такой просил, – сказала Лера.

– Я просил характер, а не перцовую атаку.

– Слабак, – сказал Артём.

– Я журналист, моё тело не рассчитано на прямое столкновение с реальностью.

Соня спокойно откусила свою шаверму.

– Странно. А с чужой реальностью ты сталкиваешься постоянно.

– Я сталкиваюсь текстом. У текста нет соуса.

Миша протянул ему воду.

– Пей. И не драматизируй.

– Я не драматизирую. Я умираю. Надеюсь хоть с достоин-

СТВОМ.

– У тебя соус на подбородке, – сказала Лера.

– Значит, с достоинством и соусом.

Я смотрела на них и не понимала, почему мне весело. В этой тесной шавушной не было ничего величественного. Белые пластиковые столы, липкий подоконник, холодильник с напитками, жужжащая лампа, продавец, который периодически кричал кому-то на кухню. Люди вокруг ели, спорили, смеялись. Кто-то забежал за заказом, кто-то ругался по телефону, кто-то уронил монету и полез под стул. И всё же здесь было теплее, чем в квартире Даниэля. Не для тела. Эти пятеро не играли в близость. Они не пытались выглядеть лучше, богаче, умнее, желаннее. Не сейчас. Они просто были вместе. Кирилл подкалывал Соню, но следил, чтобы ей досталась салфетка. Лера ворчала на Мишу, но откусила именно так, как он советовал. Миша кормил всех, потому что иначе, кажется, не умел выражать любовь к миру. Артём молча подвинул Соне напиток, когда заметил, что её стакан пуст. Ни злобы. Ни зависти. Ни желания занять трон в маленьком королевстве стола. Я знала дружбу воинов. Там всё проще: прикрой спину, раздели добычу, постарайся не умереть первым.

Но эта дружба была другой. Она жила не в битвах, а в мелочах. В старых шутках, совместных провалах, в привычке знать, кто не ест лук и кто всё равно попросит острое, а потом будет страдать. Это было странно красиво. Раздражаю-

ще красиво.

Артём заметил, что я люблюсь ими всем.

– Что? – спросил он.

– Наблюдаю.

– Звучит как угроза.

– Из моих уст многое звучит как угроза.

– Это не делает тебя загадочной. Просто люди вокруг начинают уставать от твоего высокомерия.

Я прищурилась.

– Ты часто говоришь женщинам неприятные вещи?

– Только когда они ведут себя так, будто приятные им уже надоели.

Соня посмотрела на него поверх стакана.

– Артём сегодня выбрал самоубийство через флирт.

– Это не флирт, – сказал он.

– Да ладно, – Кирилл оживился. – Это флирт для людей с хорошей медицинской страховкой.

Лера перевела взгляд с него на меня.

– Главное, не ломайте мебель. Тут и так стол шатается.

Миша забеспокоился.

– А может, правда не надо? Мы тут часто едим.

Я снова рассмеялась.

Миша расслабился, будто смех был прописан в договоре о ненападении.

Люди странные. Иногда им достаточно одного мягкого звука, чтобы решить: чудовище сегодня сыто.

Я наклонилась к Артему через стол.

– Ты не боишься меня.

– Боюсь, – сказал он спокойно.

Ответ удивил. Не потому что он признался. Люди часто говорят «я не боюсь», когда страх уже стоит у них за зубами. А он сказал правду и не стыдится этого.

– И всё равно дерзишь?

– Страх не обязан делать меня вежливым с незнакомками.

Я не нашлась с ответом. Хорошо. Очень хорошо. Он откусил шаверму, прожевал, запил водой и только потом добавил:

– К тому же я заметил, что ты привыкла, что люди либо хотят тебя, либо шарахаются. Это часто портит характер.

– Мой характер пережил империи.

– Тогда переживёт и парочку замечаний за ужином.

Кирилл прошептал:

– Соня, если я погибну от восторга, удали мою историю браузера.

– Нет, – ответила она. – Пусть люди знают, каким ты был.

Лера хмыкнула в стакан.

Я смотрела только на Артёма.

Во мне поднималось желание. Но не такое, как с Даниэлем. Не чистый жар тела, не охота, не привычное удовольствие от того, как мужчина теряет уверенность, стоит мне подойти ближе. Здесь было другое. Раздражение, азарт, интерес.

Он не падал. Не тянулся ко мне. Не лепил из меня богиню.

Он говорил со мной как с женщиной, которая слишком часто побеждала и давно забыла, что поражение тоже иногда может быть вкусным.

Мне захотелось проверить.

Я поднялась.

Компания притихла, хотя все сделали вид, что ничего особенного не происходит. Даже мужчина за стойкой оглянулся на меня.

– Артём, – сказала я. – Пройдёмся.

Он посмотрел на меня снизу вверх.

– Зачем?

– Поговорим.

– Здесь говорим.

– Наедине.

Кирилл тут же поднял руку.

– Я могу отвернуться, но буду подслушивать. От души.

Соня пнула его под столом. Судя по его лицу, попала не в душу, а куда-то ошутимее.

Артём спокойно вытер пальцы салфеткой, аккуратно завернул в упаковку совершенно не сочетающуюся для организма еду и встал.

– Пять минут.

Я приподняла бровь.

– Ты ставишь мне лимит?

– Да. У меня шаверма остынет.

Вот за это его уже можно было ненавидеть.

Мы вышли на улицу.

Ночь встретила нас прохладой. За спиной остались голова, запах мяса, смех Миши и жужжание лампы. У тротуара блестела лужа после недавнего дождя; в ней дрожали вывески и красные огни машин. Мегиддо снова казался городом теней и света, но рядом с Артёмом всё выглядело более настоящим.

Он остановился рядом, сунул руки в карманы куртки.

– Ну?

– Ты всегда такой упёртый?

– Обычно хуже.

– Это должно меня отпугнуть?

– Это должно сэкономить твоё время.

Я шагнула ближе.

Он не отступил. Но и навстречу не подался. Просто стоял и смотрел прямо. Я чувствовала его дыхание – ровное, чуть глубже обычного. Сердце у него билось быстрее, чем он показывал.

Значит, не так равнодушен, как хочет показаться.

Хорошо.

– Ты хочешь меня, – сказала я.

Он усмехнулся краем рта.

– У тебя наблюдательность уровня пожарной сирены.

– Тогда почему стоишь так, будто ждёшь автобус?

– Потому что хотеть и соглашаться – не одно и то же.

Я медленно улыбнулась.

– Ты решил отказаться?

– Да.

Слово ударило неожиданно сильно.

Не больно. Нет. Но резко. Как пощёчина, которую наносят не рукой, а словами.

Я чуть склонила голову.

– Осторожнее, Артём. Я не люблю, когда мне отказывают.

– Заметно.

– И всё равно?

– И всё равно.

Он сказал это без вызова. Спокойно. Он уже всё решил и не собирается прикрывать решение красивыми оправданиями.

– Почему?

Артём бросил взгляд на дверь шавушной, за которой Миша, судя по гулким голосам, уже что-то с жаром доказывал Кириллу. Потом снова посмотрел на меня.

– Потому что я не хочу быть твоей игрушкой.

Я замерла.

Внутри что-то тихо щёлкнуло. Не ярость. Не желание уничтожить. Скорее удивление – слишком чистое, чтобы сразу его раздавить.

– Ты думаешь, я играю?

– Думаю, ты привыкла брать всё, что вызывает интерес. Людей, машины, внимание. Может, даже города. Не знаю. Но

я не вещь, которую можно снять с полки, повертеть в руках и на практике решить, подходит ли она к настроению.

Я молчала.

Он продолжал:

– Ты красивая. Опасная. Умная, насколько я успел понять. И совершенно невыносимая. Да, я хочу тебя. Было бы глупо врать. Но если я подойду сейчас, ты победишь, а я стану еще одним доказательством, что люди вокруг тебя делают все так, как хочешь ты.

– А если я не хочу доказательств?

– Тогда тебе несложно будет услышать «нет».

Воздух между нами стал плотным.

Я могла заставить его пожалеть. Не силой – словами, взглядом, одним шагом. В людях полно дверей, и большинство заперт лишь на слабую защелку.

Но сейчас это показалось бы поражением. Настоящим. Не его – моим.

Потому что он был прав.

И это бесило.

– Ты слишком самоуверен, – сказала я.

– Возможно.

– Упрям.

– Верно.

– И слишком много думаешь для мужчины, которого зовет к себе красивая женщина.

– Спасибо. Я стараюсь не быть рекламным буклетом те-

стостерона.

Я коротко фыркнула.

Он посмотрел внимательнее, и в этом взгляде мелькнуло тепло. Просто человеческое тепло. От него почему-то стало жарче, чем от желания.

– Беллум, – сказал он тише. – Я не против игры. Я против быть фигурой на доске, которую двигают без спроса.

Разумно.

Я отвела взгляд на мокрый асфальт, на отражённые в луже буквы вывески, на бледный свет витрины напротив. В груди ворочалось что-то непривычное. Не голод. Не злость. Не даже уязвленная гордость.

Скорее ощущение, что меня впервые за долгое время не испугались и не обожествили. Просто остановили.

Аккуратно. Честно. Без поклонов.

– Ты всегда так разговариваешь с женщинами, которые тебе нравятся? – спросила я.

– Нет.

– Тогда почему со мной решил рискнуть?

Он пожал плечами.

– Потому что ты похожа на человека, с которым быть удобным не получится.

Это было комплиментом. Почти.

Я снова посмотрела на него.

Тёмные волосы, спокойное лицо, упрямая линия губ. Никакой показной бравады. Никакого сладкого мужского само-

довольства из серии «сейчас она всё равно сдастся». Он стоял напротив так, будто уважал и меня, и себя достаточно, чтобы не путать желание с капитуляцией.

Редкая, раздражающая порода.

– Ты понимаешь, что я могу счесть это оскорблением? – тихо спросила я.

– Понимаю.

– И?

– И всё равно предпочту честность.

Я усмехнулась, но вышло так себе. Горечь растеклась по горлу, мешая ответить очередную гадость, чтобы вывести Артёма на эмоции.

– Ужасный у тебя характер, Артём.

– Мне говорили.

– Часто?

– Достаточно, чтобы перестать удивляться.

Из шавушной донёсся смех Кирилла – громкий, совершенно бессовестный. Следом раздался голос Сони, звонкий даже через стекло. Миша, кажется, предпринял попытку кого-то мирить. Лера, вероятно, уже устала от всех разом.

И почему-то мысль о том, что они там, а мы здесь, показалась странно правильной. Как пауза в музыке, без которой мелодия была бы не полной.

Я медленно выдохнула.

– Хорошо, – сказала я.

Артём чуть прищурился.

– Что именно хорошо?

– То, что ты отказал мне.

Теперь уже он удивился. Попытался не выдать себя, но я заметила.

– Неожиданно.

– Не обольщайся. Мне не понравилось.

– Я на это и не надеялся.

– Но это было честно.

– Было.

Я кивнула.

– А честность я уважаю. Иногда даже больше, чем вежливость.

– Поздравляю нас обоих. Мы пришли к взаимопониманию.

– Не порть момент.

Уголок его рта дрогнул.

– Стараюсь.

Несколько секунд мы просто стояли рядом. Машина проехала по мокрой дороге, брызги тихо шуршали по колёсам. Где-то дальше хлопнула дверь подъезда. Ночной воздух холодила кожу, но возвращаться не хотелось.

Потому что внутри, в этом маленьком переулке у шавушной, случилось что-то важнее флирта.

Он не дал мне победить.

А я, кажется, впервые за долгое время не захотела ломать то, что не поддалось с первого натиска.

– Значит, – сказала я, – если я позову тебя ещё раз, ты снова откажешь?

– Зависит...

– От чего?

– От того, зачем ты меня позовёшь.

Я усмехнулась.

– Как у тебя всё неудобно.

– Это называется жизнь. Она в принципе мало кому удобна.

– Я обычно сама создаю условия, а не принимаю чужие.

– Понял уже.

Я наклонилась к нему чуть ближе. Просто чтобы проверить, дрогнет ли. Он не дрогнул. Только взгляд потемнел.

– И если я скажу, что хочу не победы?

– Тогда, – ответил он после короткой паузы тяжело вдохнув, – тебе придётся сначала самой в это поверить.

Вот теперь удар был совсем точным.

Я отстранилась.

– Ненавижу умных мужчин.

– Нет, – спокойно сказал он. – Ты просто не любишь тех, на кого не действуют привычные методы.

Я медленно улыбнулась.

– А ты уверен, что у тебя их нет?

– У всех есть, – сказал он. – Просто мои не продаются в комплекте с первым впечатлением.

Изнутри кто-то стукнул по стеклу. Кирилл, разумеется.

Он приложил ладони к лицу, изображая жадного зрителя, и что-то прокричал одними губами, но очень эмоционально.

Я закатила глаза.

– Твои пять минут закончились, – заметила я.

– Я помню. У меня там правда остывает шаверма.

– Поразительный уровень верности еде.

– Она хотя бы не пытается меня победить.

– Пока.

Он тихо засмеялся.

И это тоже оказалось неожиданно приятным звуком. Без самодовольства, без театра. Просто смех человека, которому сейчас хорошо.

Опасно.

Очень опасно.

Я развернулась к двери.

– Иди, Артём. А то твоя великая любовь остынет окончательно.

– Уже иду.

Он пропустил меня вперёд, и от этого простого, обычного жеста внутри снова что-то едва заметно сдвинулось. Не потому, что это была галантность. А потому, что в нём не было ни заискивания, ни попытки произвести впечатление.

Просто уважение.

Мы вернулись в тепло, шум и запах специй.

Кирилл сиял так, будто лично продюсировал происходящее.

– Ну что, – спросил он с порога, – нам уже вызывать свадебного организатора или следователя?

– Сначала тебе врача, – сказала Соня.

Миша посмотрел на нас по очереди, потом на Артёма, потом снова на меня.

– Вы не подрались, – с облегчением заметил он.

– Пока нет, – ответила я.

– Это обнадеживает, – вздохнул он и подвинул ко мне стакан. – Вот. Я всё равно взял тебе чай. Вдруг ты передумаешь пить одну воду.

Я посмотрела на бумажный стаканчик, от которого поднимался пар.

Потом на Мишу.

Потом на всех пятерых – шумных, странных, живых, слишком человеческих для моего обычного вкуса.

И неожиданно села обратно за стол.

– Ладно, – сказала я. – Но если этот чай окажется отвратительным, я разрушу вам вечер.

– Смотри-ка, – едва слышно пробормотала Лера. – Она учится социализации.

– Не спугни, – так же тихо ответил Артём.

Я услышала. Конечно услышала.

И почему-то не стала огрызаться.

Это уже начинало походить на начало проблемы.

Миша подвинул Артёму его остывшую шаверму. Соня изучала нас слишком внимательно, будто на ходу составляла

таблицу вероятностей. Лера прятала улыбку в стакане с газировкой. Кирилл сиял так, словно уже получил премию за материал, который ещё не написал.

– Ну? – спросил он.

– Что «ну»? – отозвался Артём, разворачивая лаваш.

– Я как журналист обязан уточнить: был ли конфликт, примирение, моральная травма, разбитое стекло?

– Был разговор, – сказала я.

Соня кивнула.

– Самый подозрительный вариант.

Миша посмотрел на меня с детской надеждой.

– Может, теперь всё-таки поешь?

– Нет.

– Тогда хотя бы попробуй соус.

– Миша, – сказала Лера, – не пытайся накормить стихийное бедствие.

– Всем надо есть.

Я подняла бутылку воды.

– Я сыта.

– Это не считается, – вздохнул он.

И опять они заговорили все сразу.

О выставке, где половина гостей пришла ради бесплатно-го вина, а вторая половина – ради селфи на фоне чужого таланта. О работе. О странных клиентах Артёма. О статье Кирилла, которую редактор уже заранее ненавидел. О дедлайне Леры. Об отчёте Сони. О магазине Миши, где женщина се-

годня пыталась вернуть чайник, потому что он, по её словам, «кипятит воду слишком агрессивно».

– И что ты ей сказал? – спросил Кирилл, вытирая соус с подбородка.

– Что сочувствую её отношениям с бытовой техникой, – ответил Миша. – Но чайник исправен.

– А она?

– Сказала, что у него плохая энергетика.

Лера фыркнула.

– Иногда я думаю, что человечество не заслужило электричество.

– Иногда? – уточнила Соня.

Я слушала их и время от времени вставляла фразы, от которых Кирилл хватался за сердце, Соня щурилась, Лера всё меньше прятала улыбку, а Миша упрямо продолжал прикидывать, можно ли меня всё-таки чем-нибудь накормить.

Артём почти не вмешивался.

Но каждый раз, когда я говорила он бросал короткую фразу, которая сбивала мой настрой.

– Это не судьба, Беллум. Это плохая логистика.

Или:

– Не все человеческие правила глупые. Некоторые просто написаны идиотами.

Или, когда я протянула руку за салфеткой:

– Ты не обязана звучать как надпись на древнем саркофаге каждый раз, когда что-то просишь.

Я повернула к нему голову.

– А ты не обязан есть Это так, будто это подвиг.

– Это не подвиг, – сказал он. – Это последствия разговорчивости.

– Слабо. Мог бы придумать что-то получше.

– Я экономлю пафос. В компании его и без меня хватает.

Кирилл застонал от удовольствия.

– Пожалуйста, продолжайте. Я питаюсь этим лучше, чем едой.

– Ты и едой питаешься плохо, – заметила Соня.

– Это не правда. Я просто тонкая творческая натура.

– У тебя соус на куртке, тонкая натура, – сказала Лера.

И каждый раз, когда Артём отвечал мне, мне хотелось продолжить.

Не уничтожить.

Не поставить на место.

Именно ответить.

Поддеть в ответ, услышать, что он скажет дальше, поймать следующую фразу, в которой не будет ни страха, ни желания понравиться, ни попытки обожествовать меня только потому, что так проще.

Это было тревожно.

Я знала, как действует желание тела. Знала, как пахнет страх. Как звучит ложь. Как выглядит поклонение в глазах мужчины, который уже мысленно проиграл.

Но это чувство было другим.

Оно цепляло меня своим вниманием.

Не требовал немедленно взять, сломать, победить.

Он просто сидел напротив, ел и имел наглость не бояться меня.

Когда мы вышли из шавушной, стало холоднее.

Над дорогой висел сырой свет фонарей. Такси лениво мигало аварийками у перекрёстка. Где-то за углом запел пьяный парень, фальшиво, но с самоотдачей. Воздух пах бензином, мокрым асфальтом и жареным мясом, въевшимся в одежду.

Кирилл немедленно предложил всем продолжить где-нибудь ещё.

Соня отказалась за всех.

– Нет.

– Я даже место не назвал, – возмутился он.

– Мне достаточно твоего лица, чтобы понять, что это будет плохое решение.

– Это дискриминация журналистов.

– Это профилактика.

Лера зевнула, прикрывая рот ладонью.

– Если я сейчас не лягу спать, то завтра убью кого-то.

– Главное, – сказал Миша, раздавая остатки салфеток, – сначала предупреди, чтобы я принёс тебе поесть.

– Ты и на казнь бы пришёл с контейнером, полным еды, – заметил Артём.

– Конечно. Никто не должен умирать голодным.

Я невольно усмехнулась.

Артём стоял чуть в стороне и смотрел на улицу. Не торопил никого, не тянул внимание на себя, не пытался продлить разговор со мной. И от этого снова раздражал сильнее, чем должен был.

– Ты ещё появишься? – спросил Кирилл.

– Если здесь не будет слишком скучно.

Он довольно кивнул.

– Отлично. Я буду считать это приглашением.

Соня протянула мне телефон.

– Номер оставишь?

Я посмотрела на устройство.

– Зачем?

– Чтобы Миша мог контролировать, ела ли ты.

– Это важно, – серьёзно подтвердил Миша.

Лера скрестила руки на груди.

– И чтобы мы знали, где искать Кирилла, если он решит сделать о тебе материал и внезапно исчезнет.

– Меня никто не ценит, – сказал Кирилл.

– Мы ценим твою предсказуемость, – ответила Соня.

Я взяла телефон и ввела номер, который использовала с украденного устройства. Пластик чуть нагрелся в ладони, но выдержал.

Молодец.

Миша тут же заглянул в экран.

– Я сохраню тебя как «Беллум. Не даёт себя кормить».

– Сохрани как «Дерзкая незнакомка», – посоветовал Кирилл.

– Сохрани как «Голодная», – сказала Лера.

– Сохрани как хочешь, – отозвалась я. – Всё равно.

Артём ничего не попросил.

Ни номер. Ни обещание увидеться. Не сказал ничего, за что можно было бы зацепиться.

Это раздражало сильнее, чем должно было.

Он просто кивнул мне на прощание.

– Беллум.

– Артём.

Я ждала, что он добавит что-нибудь ещё.

Шутку. Укол. Ещё одну дерзость, которую можно было бы бросить обратно, как нож.

Но он не добавил.

Развернулся и пошёл вместе с остальными.

Я осталась у тротуара одна, с бутылкой воды в руке и странным ощущением внутри.

Будто в привычно броне появилась едва заметная вмятина. Не опасная. Пока.

Город шумел, мигал, пах бензином и ночной едой.

Мой мустанг стоял за углом, как верный конь.

Я могла уехать куда угодно. Могла найти новый клуб, нового Даниэля, новый жар, новую короткую вспышку.

Вместо этого я смотрела в ту сторону, где исчезли эти пятеро, и никак не могла решить, что бесит меня больше: то,

что мне было с ними хорошо, или то, что я уже знала – это не последняя наша встреча.

В этот момент я думала лишь об Артёме. И ловила себя на раздражающей мысли, что мне хочется услышать от него ещё одну дерзость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.